

Крымские татары*

Алан Фишер

Аннотация: Статья представляет собой перевод с английского (с сокращениями) работы известного историка, профессора Государственного Университета в Мичигане (США) Алана Фишера. Автор всю свою жизнь проявлял особый интерес к истории Османской империи и тюркских народов, прежде всего крымских татар. Его труд *The Crimean Tatars (Крымские татары)* был опубликован в 1978 году в США. Книга содержит 264 страницы и состоит из трех частей, глоссария, списка сокращений, примечаний, библиографии и указателя. Первая часть представлена под названием *Крымскотатарское ханство (The Crimean Tatar Khanate)*. Она включает в себя следующие главы: 1. Происхождение Крымскотатарского ханства; 2. Османская гегемония в Крыму; 3. Политическая система в Крымском ханстве; 4. Экономическая и культурная жизнь в ханстве; 5. Роль Крыма в восточно-европейской политике.

В первой части подробно рассматривается вопрос происхождения *Крымскотатарского ханства*, его связи и отношения с соседними государствами, в частности с Османской империей, Московией, Польшей. Анализируется роль и влияние внутренних крымских кланов на политическую линию, проводимую ханством. Детально рассматриваются образ и методы правления, а также заслуги каждого правящего хана в становлении Крымского ханства: Хаджи Герай хана, Нурдевлет хана, других представителей династии Гераев – Сахиб Герая, Девлет Герая, Гази Герая II, Селим Герая I. Представлен детальный анализ материала, отражающего экономическое и политическое состояние Крымскотатарского ханства в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Крымскотатарское ханство, крымские татары, происхождение, политическая система, кланы, правящий хан, становление и развитие государства.

Для цитирования: Алан Фишер. Крымские татары / пер. с англ. Сейтхалиловой Л., Алиевой А. // Крымское историческое обозрение. 2022. Т. 9, № 1. С. 58–114.
DOI: 10.22378/kio.2022.1.58-114

---

* Перевод с английского Сейтхалиловой Л.С., Алиевой А.Ю. Перевод выполнен по изданию: Fisher, Alan W. *The Crimean Tatars*. Stanford, California: Hoover Institution Press, 1978.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ХАНСТВО¹

1. Истоки (происхождение) Крымскотатарского ханства

Несмотря на определенную убедительность, присущую подавляющему большинству работ по истории Крыма, вопрос происхождения крымских татар по-прежнему неясен, как и возникновение преобладающего числа народов. На самом деле, задача поиска этих истоков была бы значительно проще, если бы историки пришли к единому мнению относительно определения крымских татар. Вопрос об их этногенезе возник еще до появления первого Крымского ханства, которое возникло в начале 1440-х годов во главе с ханом Хаджи Гераем. О существовании этого ханства свидетельствуют исторические источники как из Азии, так и из Европы. Кем были народы, составлявшие население нового ханства? Откуда и когда они пришли? Скудность и ненадежность современных источников затрудняет ответы на эти вопросы.

Крымский полуостров разделен на две части, которые отделены горной грядой, протянувшейся к северу от береговой линии Черного моря. Вдоль побережья во времена Хаджи Герая располагалось несколько крупных деловых центров – Каффа (Кефе), Евпатория (Гёзлеве) и Тана (Азов, Азак), которые по стандартам Восточной Европы можно было по праву назвать мегаполисами. Они были населены в основном греками, армянами и евреями, однако в политическом и экономическом управлении был значительный перевес итальянского и французского меньшинств. По рассказам современных купцов и путешественников, эти города представляли собой оживленные городские районы, в каждом из которых было множество общественных зданий, рынков, портовых комплексов и многолюдных жилых кварталов. Хотя архитектурный стиль этих городов, подчеркивающий скорее утилитарность, чем красоту, ни в коей мере не был сравним с итальянским и французским архитектурным стилем на их исконных землях, посетители, как с Востока, так и с Запада не могли не отметить, что эти города имели европейское обличье.

К северу от гор эту землю населяли различные кочевые племена, которые были по большей части исламскими и говорили на различных тюркских диалектах. На протяжении веков эти племена периодически проходили через Северное Причерноморье во время своих походов в Восточную Европу, и в этот период их основное воздействие на регион, как представляется, было дестабилизирующим. Оно заключалось в разрушении или

---

¹ В настоящее время принят термин Крымское ханство

нанесении серьезного ущерба сложившейся на территории местной политической и экономической структуре.

В середине XIII века во время вторжений армий Батыя, основателя Золотой Орды, эти тюркские кочевники получили политическое превосходство над предшествующим оседлым славянским и итальянским населением [1]. Некоторые славянские источники свидетельствуют, что незадолго до вторжения Батыя в 1220-х годах города Судак и Корсунь в южном Крыму заплатили половцам дань, чтобы защитить себя от набегов кочевников. Сам же Судак татары сравняли с землей сразу же после битвы на Калке в 1223 году, и вскоре после этого новая атака армии, посланной Ала эд Дином (Ala ed Din), сельджукским султаном Рума (Коньи). Именно в годы, последовавшие после этого последнего сражения, сельджуки и огузы, тюркские группы, большинство из которых были выходцами из Анатолии, начали заселение северных равнин Крыма [2].

Турецкие источники четко указывают, что во второй половине XIII века при поддержке Берке хана, правителя Золотой Орды, многие турки-сельджуки поселились в Крыму. По сообщению османского летописца Мюниджимбаши (Münçimbaşı), одна из четырех дочерей султана сельджуков вышла замуж за Берке-хана. Согласно османской хронике Сеида Лукмана (Seid Lukman), Изз-эд-Дин (Izz ed Din), сын этой сельджукской жены, получил от Берке земли и города Солхат и Судак в Крыму и привез туда анатолийских турок. К концу XIII века арабские путешественники по этому региону сообщали, что население Судака было в основном турецким [3].

Сначала этот процесс заселения Крыма и Судака на побережье происходил без какого-либо вмешательства в жизнь населения южного берега Крымского полуострова. Но эмир Ногай, правивший в крымской и степной провинциях Золотой Орды в конце XIII века, потребовал от генуэзского города Каффи на юго-восточном берегу Крыма уплаты налогов и дани. После отказа последнего он напал на город и разграбил его. Очевидно, что отношения между тюркским населением на севере и христианским населением на юге вступают в новую стадию [4].

Немедленным последствием этого нападения стало признание генуэзцами права татар требовать уплаты налогов, а вместе с этим и частичное признание татарской политической власти над всем регионом. Вслед за этим последовало заселение побережья Черного моря тюрками. Именно после этого среди жителей Кефе и Судака появляется много татарских имен.

На протяжении XIV и начала XV веков татарские ханы из Сарай на Волге считали себя правителями Крыма. Они подтверждали эти притязания, назначая правителей крымской и степной провинции, резиденцией которых был Солхат, позже названный Эски-Кырым («Старый Крым»). Этот город оставался главным татарским центром на полуострове до образования дина-

стии Гераев в середине XV века. Это был религиозный центр с мечетями, монастырями дервишей и школами-медресе (*medresses*) со своими муллами (*mullas*), шейхами (*sheikhs*) и кадиями (*kadis*) – учеными-юристами и судьями. Солхат служил истоком мусульманской миссионерской деятельности на севере и на Кавказе. Кроме того, арабские путешественники сообщали о большом количестве караван-сараев (*caravan-sarais*) и мощной каменной крепости. Якобсон представляет изображение школы и мечети в Солхате, построенных ханом Узбеком в 1314 году и сохранившихся до наших дней [5].

Солхат никогда не был официальной резиденцией ханов Золотой Орды, но стал убежищем для несостоявшихся претендентов на престол. Он также служил местом установления дипломатических отношений между Золотой Ордой и тюркской династией мамлюков в Египте. Султан Бейбарс построил большую мечеть в Солхате и скромно назвал ее в свою честь² [6].

И только в конце XIV века один из татарских наместников в Крыму начал попытки установить независимую политическую власть над Крымом. Первым, по-видимому, был Таш Тимур, чье имя было отчеканено на монетах, произведенных и предназначенных для использования на полуострове. Он называл Крым своим юртом (*yurt*) и таким образом Таш Тимур по праву может считаться создателем фундамента будущего независимого государства в Крыму.

Хаджи Герай Хан

Историки, приверженцы различных точек зрения, сходятся во мнении, что один из преемников Таш Тимура Хаджи Герай был первым ханом независимого Крымского ханства [7]. Существуют, однако, некоторые разногласия о Хаджи – его личности, происхождении имени, вопрос его непосредственного родства с ханами Золотой Орды и взаимоотношений с Таш Тимуром. Причины этого спора (который в основном сосредоточен вокруг генеалогии Хаджи) связаны с желанием крымцев показать свою легитимность как наследников политических и территориальных традиций. В XVI веке великие князья Московии (а затем и цари) предъявляли аналогичные притязания на законное наследование ордынских традиций. Считалось, что правитель, который сможет лучше всех обосновать собственную принадлежность к ордынским традициям, имеет больше шансов стать правителем территории Золотой Орды – степей между южной Польшей и Центральной Азией.

Наиболее аргументированным объяснением появления Хаджи Герая представляется мнение В. Д. Смирнова, который основывает свои утверждения на сведениях литовских и польских летописей. Польская хроника Стрыйковского (Stryjovski's) объясняет это следующим образом: «В том

---

² Историографическая ошибка. Мечети Бейбарса в Солхате не было.

году (1443 г.) татары Перекопа, Барыны и Ширины, хан которых умер без наследника, обратились к Казимиру, великому князю литовскому, с просьбой дать им в ханы Хаджи Герая, который, бежав из Большой Орды, нашёл там убежище» [8]. Согласно этому мнению, Хаджи Герай родился в Литве, в 1428 году пытался захватить власть в Золотой Орде и после неудачного исхода вернулся в Литву. Когда татары Крыма предложили ему прибыть и возглавить их, он согласился и стал строить свою политическую власть исключительно на том факте, что он является ханом Крыма. В это время на крымских монетах стали чеканить его имя, а вместо прежней татарской *кыпчакской* печати была изготовлена новая печать крымских ханов. На ней было изображение совы [9].

Однако, нет оснований для полемики относительно политики, которую проводил Хаджи Герай после того, как стал ханом Крыма. После своих попыток завладеть троном Золотой Орды Хаджи решил создать в Крыму независимое государство. Для этого ему было необходимо, во-первых, получить как можно больше союзников из числа соседей Орды, и во-вторых, привлечь на свою сторону как можно больше татарских кланов и знати. Не было сомнений в том, что ханы Орды будут выступать против его политики. Если ему не удастся создать прочную базу в Крыму, то вполне вероятно, что его попытки обрести независимость потерпят неудачу.

Первым шагом Хаджи Герая был поиск как можно большего числа союзников. Он не особо обращал внимание на религию или этническую принадлежность соседних правителей и государств, поддержки которых искал. До 1453 года, когда султан Мехмед II захватил Константинополь и начал включать все побережье Черного моря в свою империю, Хаджи колебался между дружбой и сотрудничеством с Польшей-Литвой и Московской Россией (Московией). Поскольку главная угроза для него исходила от Золотой Орды, Московия была его естественным союзником – великие князья Московии какое-то время боролись против татарского господства. Но были случаи, когда близкие отношения с Польским королевством, казалось, давали крымскому правительству больше преимуществ. В 1445 году, когда хан Золотой Орды угрожал территории Крыма и Польши на юге, Хаджи Герай заключил свой первый польско-литовский союз с Казимиром IV. В 1452 году Хаджи напал на вторгшегося хана Сейид Ахмеда и вместе с польско-литовскими войсками смог победить его [10].

Отношения с Османской империей

1453 год кардинально драматически изменил геополитическую ситуацию в Черноморском регионе. Османский султан Мехмед II осуществил многовековую мусульманскую и тюркскую мечту о захвате Константино-поля, столицы Восточной Римской империи. Данное событие показало, что

относительно молодая Османская империя, без сомнения, стала величайшей державой на юго-востоке Европы. И это создало совершенно новую ситуацию для итальянских колоний, расположенных вдоль всего крымского побережья, торговля которых должна была проходить через проливы, ныне контролируемые турками.

Будучи самопровозглашенным наследником политических и некоторых территориальных традиций Золотой Орды, Хаджи Герай с самого начала считал итальянские колонии своими суверенными владениями. Согласно Анкарали Хеким Яхья (Ankarali Hekim Yahya), османскому летописцу середины XV века, Хаджи Герай был правителем Кырк-Ера (Kirkyer), Эски Кырыма (Eski Kirim), Тамани, Керчи, Кубани, Кыпчака (Kırçak) и, что наиболее важно, Кефе [11]. Благодаря присутствию османов на Босфоре, Хаджи Герай и Мехмед II имели взаимодополняющие интересы в деятельности генуэзцев в Крыму. В 1454 году крымский хан заключил соглашение с Мехмедом II о нападении и захвате Кефе (Каффа) у генуэзцев. Пока османский флот приближался к Кефе, хан осадил город с суши с помощью 7000 татарской конницы. Но в этот раз город смог выдержать совместную атаку. Наконец, после того как генуэзцы согласились выплачивать татарам ежегодную дань в размере 1200 золотых, Хаджи Герай и османы отступили. С этого момента на чеканке монет ханства встречается как татарская, так и генуэзская маркировка [12].

Хотя это совместное нападение и послужило началом будущих крымско-османских политических и военных отношений, существование этого союза не могло иметь продолжения до тех пор, пока двадцать лет спустя правителем не стал преемник Хаджи Герая Девлет Герай. Все это время в целях защиты независимости и суверенитета основное внимание хана по-прежнему было сосредоточено на политике в отношении Степи и Орды. Последние десять лет жизни Хаджи Герая были ознаменованы постоянной борьбой с золотоордынскими ханами (в русскоязычной историографии это ханы Большой Орды. – Прим. пер.).

Миграции татар

Вторым важным шагом Хаджи Герая в создании основ для независимости Крыма от Золотой Орды было привлечение многих татарских кланов и знати. Тот факт, что ордынские ханы оказались неспособными положить конец его притязаниям на суверенитет, привел к тому, что многие из наиболее влиятельных татарских кланов переселились на земли, находившиеся под властью Хаджи Герая. Между 1453 и 1466 годами по крайней мере три таких клана (Ширины, Барыны и Конгураты) переселились на запад. Правители Золотой Орды ранее опирались на поддержку этих кланов. По иронии судьбы, эта миграция создавала как основу для укрепления ханства по

отношению к Золотой Орде, так и основу для внутренней слабости ханства. То обстоятельство, что многие ведущие кланы и лидеры Орды перенесли свою лояльность на зарождающееся Крымское ханство, значительно укрепило позиции крымских ханов в их борьбе против Орды. Миграция увеличила численность татарского населения на полуострове и дала хану как большую военную силу, так и возросшую экономическую мощь. Однако, это также привело ханство к внутренней слабости, преследовавшей Орду в последние десятилетия – конкурирующие притязания на власть и суверенитет со стороны клановых лидеров против своего хана.

На запад двинулись не только значительное число татар, но и кланы, имевшие давние традиции политической власти, кланы, которые веками играли важную роль в политике Орды. Их вожди не желали полностью отказываться от своей власти, будь то хан Золотой Орды или хан Крымского ханства. По всей видимости, междоусобная борьба характеризовала политическую жизнь Крыма на протяжении всего существования ханства. По словам Инальджика, в 1456 году генуэзцы в Кефе смогли убедить лидеров отдельных кланов выступить против Хаджи Герая и свергнуть его в пользу сына – Хайдара (Haydar) хана. Хотя этот перерыв длился всего несколько месяцев и к концу года Хаджи вновь занял свой трон, это было предзнаменованием будущего. Последним событием, зафиксированным из жизни Хаджи Герая была подготовка к сражению с ханом Кучюком Мехмедом (*Khan Küçük Mehmed*) из Золотой Орды в 1460 году. Хаджи активно занят реализацией этих планов, и вдруг внезапно умирает, вероятно, вследствие отравления ядом, подмешанным одним из лидеров клана, который был недоволен возраставшими претензиями хана на внутреннюю власть. После кончины Хаджи начался период интенсивной внутренней борьбы за власть, разрешившейся только с завоеванием османами побережья Крымского полуострова в 1475 году и установлением политического превосходства? над ханами, достигнутого османами несколькими годами позже [14].

2. Гегемония османов в Крыму

Один из основных историографических вопросов в истории Крыма касается того, каким образом и в какой степени Крым оказался в зависимости от Османской империи. Наиболее важные вопросы, по которым историки расходятся во мнениях: (1) Когда тюрки-османы овладели Кефе и южным берегом Крымского полуострова в 1475 году, подчинили ли они своей власти и недавно возникшее Крымское ханство, или же Крым просто оказался под протекцией османского султана? (2) Был ли крымский хан после 1475 года государем и наследником политических традиций степи или он был вассалом османского султана? Если хан был вассалом султана, то как объ-

яснить тот факт, что ханы часто действовали, не согласовывая свои действия с османами, что они продолжали поддерживать свои собственные независимые дипломатические отношения, как с Польшей, так и с Москвией, и что они действовали в Крыму как должностные лица с историческими прерогативами независимости и суверенитета?

Для того чтобы составить себе представление о крымско-османских отношениях, необходимо сначала рассмотреть события 1466–1478 годов (год смерти Хаджи Герая – год, когда Менгли Герай предложил себя в качестве покорного слуги своего государя, падишаха (*padishah*) Османской империи). Затем необходимо проанализировать развитие политических и экономических отношений между османами и крымскими татарами.

Со смертью Хаджи Герая в 1466 году разразилась борьба за престолонаследие, которая подняла серьезные вопросы о существовании династии вообще. Политические традиции Золотой Орды ясно указывали на то, что старший сын Хаджи, Нурдевлет, должен был унаследовать трон, однако вопрос о преемственности оказался не так-то просто решить. Вожди кланов, переселившиеся в Крым во время правления Хаджи Герая, отказались принять хана, над которым они не имели власти. В течение следующих двенадцати лет развернулась борьба между сторонниками трех политических теорий, которые были представлены тремя центрами власти: самой Ордой; вождями кланов во главе с беем (*bey*) клана Ширин и османским султаном.

На крымский престол было только два претендента: Нурдевлет и его брат Менгли Герай. Генуэзцы выступили сначала на стороне одного, затем на стороне другого. Проблема была решена только в 1478 году, когда Менгли Герай стал ханом и вассалом османского султана. Из этого можно сделать вывод, что становление ханства как стабильного политического образования относится именно к этому периоду, а не к «основанию ханства» Хаджи Гераем тридцатью годами ранее. Менгли Герай правил в Крыму с 1478 года до своей кончины в 1514 году.

Источники периода 1466–1478 годов (османские и татарские хроники; дипломатическая переписка между крымцами, османами, поляками, московитами и Ордой; генуэзские документы) противоречивы и неполны. Построить четкий рассказ о борьбе за престолонаследие практически невозможно. Тем не менее, профессор Инальджик смог преодолеть эти трудности в своей знаменитой статье, в которой он предлагает наилучший возможный отчет о событиях [1]. Вкратце, его выводы таковы, что согласно исторически сложившейся традиции, старший сын Нурдевлет мог бы легко унаследовать трон. На протяжении всех сражений между ним и Менгли Гераем Нурдевлет неизменно получал поддержку от ханов Золотой Орды. Однако лидеры кланов, особенно Ширины, обычно предпочитали противо-

стоять руководству Орды и поддерживали Менгли Герая. Менгли Герай мог выиграть борьбу вопреки политическим традициям, но только при поддержке кланов. Таким образом, лидеры кланов были убеждены в том, что для сохранения власти он будет зависеть от их поддержки. Распределение сил между этими группировками в Крыму, по-видимому, было достаточно равномерным, так что без вмешательства извне невозможно было найти решение. Этого вмешательства добивались как генуэзцы в Кефе, так и османы. Генуэзцы, начиная с османского завоевания Константинополя, сами находились в положении конфронтации с османами; поэтому эти две державы обычно поддерживали соперничающих претендентов в Крыму.

Нурдевлет у власти

Поначалу Нурдевлету удалось занять престол. Он получил ярлык (*yarlık*) («ханская грамота») от Золотой Орды, признававшей его власть в Крыму. Менгли Герай в это время был вынужден найти убежище в Кефе, где он оставался до 1468 года. Возможно, Менгли не получил официальной поддержки от генуэзцев, поскольку в Кефе в то время проживало много татар. В начале 1470-х годов могло только казаться, что генуэзцы поспешно переходят с одной стороны на другую. Возможно, именно татары в городе, без какой бы то ни было на то официальной санкции, часто предоставляли убежище крымским соперникам. Это помогло бы объяснить тот факт, что и Нурдевлет, и Менгли Герай получали ту или иную помощь от Кефе.

В 1468 году Менгли Герай получил контроль над частью полуострова и утвердился на троне в Кырк Ере (*Kirkyer*) с помощью Ширин бея, Мамака и генуэзцев. Непринятие Менгли Золотой Ордой способствовало установлению им дружеских отношений с Московией и враждебных по отношению к Польше – факт, который, согласно русской историографии, сделал Менгли Герая одним из самых выдающихся крымских ханов.

В 1469 году Менгли Герай также направил султану Мехмеду II письмо, обращаясь к нему как к другу.

Но Нурдевлет и его союзники по Орде (в Крыму это были в основном кочевые ногайские татары) не подчинились ни политическому, ни экономическому контролю татарской элиты. Он смог удержаться у власти в степных районах между Днепром (*Ozii*) и устьем Дона. В конце 1469 года Нурдевлет с армией ногайских татар и контингентом из Золотой Орды сумел изгнать Менгли Герая из Кырк Ера в Кефе, тем самым временно положив конец периоду двоевластия в Крыму. Однако в 1471 году Мамак и почти вся крымская родовая знать отвоевала центральную часть полуострова и подготовила почву для возвращения Менгли Герая.

О дальнейшей деятельности Менгли Герая ничего не известно до 1474 года, момента вспышки мятежа против его правления, возглавленного но-

вым беем Ширинов Эминек мурзой. Это восстание, поддержанное большей частью знати и генуэзскими властями в Кефе, отстранило Менгли Герая от власти и вернуло Нурдевлета.

Исходя из того, что известно о деятельности Менгли Герая после 1478 года, кажется вероятным, что причиной этого восстания была попытка укрепить свое положение за счет лидеров кланов; от генуэзцев следовало ожидать поддержки слабейшей стороны в Крыму. Русские источники свидетельствуют, что в 1472 году Менгли Герай принимал Никиту Беклемишева, посланника из Московии, и было заключено соглашение, по которому Иван III должен был действовать совместно с крымцами против Орды, а Менгли Герай должен был помогать Московии против Польши.

Приглашения к османам

В начале 1475 года Ширин *бей* снова нашел повод поссориться с ханом. На этот раз это был Нурдевлет, действовавший в тесном согласии с генуэзцами. Ширин *бей* официально потребовал, чтобы султан Мехмед II атаковал Кефе и подчинил его своей власти. Из письма, опубликованного профессором Куратом, становится ясно, что это было не первое обращение лидера клана к султану и что между крымской знатью и османами уже существовали определенные связи. Эта просьба совпадала с политикой, которую Мехмед II проводил с момента завоевания Константинополя: установление османской экспансии на всем побережье Черного моря. В рамках этой стратегии не должно было быть места для территории, контролируемой европейцами-христианами. Хотя Нурдевлет и выступил на стороне генуэзцев против Великого Визира Гедика Ахмеда Паши и большого османского флота, турки захватили Кефе, а через несколько месяцев завершили завоевание всех территорий вдоль побережья, находившихся во владении генуэзцев.

Менгли Герай, находившийся в тот момент в Кефе, немедленно договорился с османским полководцем, что он, как хан, примет сузеренитет османов в Крыму. Шесть месяцев спустя он подтвердил это соглашение письмом к султану, в котором обещал быть «врагом твоего врага, другом твоего друга». Вскоре стало ясно, что таким образом была заложена основа вассальной зависимости Крыма.

Это признание убедило хана Золотой Орды Сейида Ахмеда предпринять последнюю крупную попытку вернуть себе территорию, на которую он никогда не переставал претендовать. В 1476 году он совершил полномасштабное вторжение в Крым, успешно свергнув с престола Менгли Герая и снова заменив его Нурдевлетом. Однако на этот раз Сейид Ахмед оставил другого представителя, Джанибека, в качестве *вали* (*vali*, «губернатора») для наблюдения за деятельностью Нурдевлета.

Таким образом, на короткий промежуток времени Нурдевлет и Орда смогли нарушить дальнейшие связи между Крымом и османами. Какое-то время казалось, что османы были готовы принять это разделение сфер влияния в Крыму. Они, конечно, сохранили Южный берег и города вдоль него, включая Кефе.

Менгли Герай бежал в Стамбул, где был задержан турками и заточен в новой тюрьме *Семь Башен* (*Едикуле*) (*Seven Towers*). Очевидно, Мехмеда II устраивало, что ханом был Нурдевлет, отчасти потому Нурдевлет отправил в Стамбул письмо, в котором обещал быть слугой султана.

Последний эпизод в этой сложной серии событий произошел в конце 1477 года. Бей из рода Ширинов, Эминек Мурза, представлявший всех крымских *бееев* и вождей кланов, направил Мехмеду II секретное прошение, в котором выразил просьбу, чтобы султан вернул Менгли Герая в Крым в качестве хана. В начале 1478 года в сопровождении османской армии Менгли Герай вторгся в Крым, свергнув с престола Нурдевлета и Джанибека. Очевидно, что Менгли Герай вернулся в качестве ставленника султана. Добиваясь своего трона, он опирался на поддержку Османской империи и его прежние заверения в повиновении были подтверждены на этот раз с большей убедительностью. В свое третье правление, продолжавшееся до его смерти в 1514 году, Менгли Гераю удалось основательно укрепить Крымское ханство [2]. Присутствие в Крыму Османской империи стало неоспоримым, и попытки золотоордынских ханов восстановить свой суверенитет в Причерноморье прекратились.

Османско-крымский «договор»

Некоторое время российские и западные историки считали, что в 1478 году Менгли Герай и Мехмед II подписали договор, в котором довольно подробно изложены формы османской власти в Крыму. Эти историки приняли за чистую монету описание такого договора в многотомном путеводителе османского путешественника XVII века Эвллии Челеби. Согласно версии, которая была принята такими историками, как Хартахай и Хортворт (Howorth), и которой придерживался французский дипломат XVIII века Пейсонель, договор включал следующие пять пунктов: (1) Внутренняя власть в ханстве оставалась в руках хана, и назначение политических и военных чиновников было исключительно его заботой; (2) Крымская знать выбирала хана из числа правомочных членов рода Гераев; (3) Османский султан, как верховный правитель Крыма, мог требовать, чтобы хан поддерживал его в военных кампаниях, а внешние связи ханства находились в руках чиновников, назначенных султаном; (4) Поскольку султан был халифом, он имел право назначать всех религиозных и судебных чиновников в Крыму; и (5) Хану должно было быть позволено, чтобы его имя упомина-

лось в пятничных молитвах и было выгравировано на монетах, выпущенных в ханстве [3].

Профессор Инальджик доказал, что такого договора не могло быть в XV веке и вполне вероятно, что он вообще никогда не существовал [4]. К концу XVII века, когда Эвлия Челеби составлял эпические описания османских территорий и владений, упомянутые в договоре пункты возможно и отражали реалии взаимоотношений между ханами и султанами, а в XVIII веке в них могли верить все заинтересованные стороны, но вероятность того, что такой договор мог быть составлен Менгли Гераем и Мехмедом II, невелика. Мехмед не имел никаких притязаний на роль халифа. Султан Селим I веком позже только после завоевания Египта заявил, что он «слуга двух священных городов (Мекки и Медины)». Кроме того, согласно важной татарской хронике, упоминание имени хана в полуденной пятничной молитве было введено только во время правления хана Ислам Герая I в 1584 году [5].

Новая роль османов в Крыму

Однако не может быть никаких сомнений в том, что в 1478 году было достигнуто соглашение, определившее модель будущих отношений. Хотя османы и играли определенную роль в избрании хана, они обычно принимали выбор, сделанный крымской знатью в их традиционной манере курультай (*kurultay*). Согласно документам того времени, это избрание проводилось *ittifak-i sitti'i tatar ile* («татарскими знатными людьми, собравшимися вместе») [6]. Такая процедура периодически вызывала споры, поскольку лидеры кланов рассматривали участие Османской империи только в виде ограниченного подтверждения (*tasdik*) своего выбора, в то время как османы претендовали на право назначения (*tayin*). Кефе и все крымское побережье действительно перешли в руки османов и образовали особую османскую провинцию – эялет (*eyalet*) Кефе, которая со временем включала не только побережье Крыма, но также форты и торговые центры Тамани и Азова. Крымские ханы, со времени Менгли Герая и до конца существования ханства в конце XVIII века обладали политическими прерогативами над остальной частью полуострова и большей частью территорий, на которые претендовал Хаджи Герай в 1454 году.

Отношения между крымскими татарами и османскими султанами строились на двух базовых основах: (1) политическая идеология, основанная на исторических и легендарных традициях, и (2) geopolитическая необходимость. К моменту правления султана Сулеймана I в XVI веке османские правители обосновывали свои претензии на власть тремя историческими традициями: (1) исламская – они контролировали святые места в Аравии и Палестине, а их империя была сформирована в процессе *гази* (*gazi*) («религиозная») войны против христианского мира; (2) византийско-

римская – они владели столицей Византии с ее имперскими прерогативами и они завоевали почти все земли, которые были в Византийской империи; (3) тюркский – они включили в свой имперский титул термины *хан* (*khan*) и *Padişah-ı Deş-ı Kırçak* («Повелитель Кипчакской Степи») [7]. Именно этот последний элемент политической идеологии Османской империи был важен для взаимоотношений с крымскими татарами, поскольку политические связи с Чингиз-ханом были одним из способов доказать законную политическую власть над тюрко-татарской степью, которая простиралась до Средней Азии.

В то время как османские летописцы старались обосновать, что султаны унаследовали политические прерогативы Чингизидов (потомков Чингиз-хана), Гераи в Крыму утверждали, что могут доказать свое происхождение от первого хана Золотой Орды, как по роду, так и по закону. Османы в своей переписке с Гераями использовали термин *чингизие* (*cingizîye*) для крымских ханов, тем самым признавая это различие. Даже Сулейман I в письме к хану Мехмет Гераю I назвал его «потомком крымских султанов и чингизидских хаканов (*Jingizid hakhans*)» [8]. Среди всех вассалов османских султанов крымские ханы занимали особое положение по причине значимости их генеалогии.

В сфере geopolитики отношения между ханами и султанами также были важны. В XVI и XVII веках степь все больше и больше оспаривалась Москвией, Польшей и Литвой. Московия утверждала, что унаследовала золотоордынские традиции. Поэтому она бросила вызов монополии Крыма и Османской империи в степи. Присутствие на этой границе эффективной военной силы под эгидой Крыма позволило османам сосредоточить свое внимание на своих главных западных и восточных соперниках – Габсбургах и иранских Сефевидах.

Османско-крымские финансы

Как наследники Чингизидов и благодаря военной службе у османов, ханы становились обладателями крупных финансовых и социальных вознаграждений [9]. Они получали ежегодные денежные выплаты, поощрения при восхождении на крымский трон, земельные владения в Румелии и Анатолии, жалованную личную элитную гвардию под названием *секбаны* (*sekbands*), а также крупные выплаты за участие в каждой османской кампании. Османы также позволили Гераям собирать ежегодную дань с Московии и Польши. Хотя в основе ее лежали обычные выплаты ханам Золотой Орды и Гераи просто унаследовали это право, сбор этой дани с иностранных держав без османского надзора подразумевал признание османами особых прав Крыма в степи. Кроме того, татарам был разрешен подобный сбор с подданных султана в Дунайских княжествах.

Судя по финансовым свидетельствам, ханы не были ни независимы от османских султанов, ни подчинены им. Те области, которые составляли *эялет* (*eyalet*) Кефе, находились под прямой властью Османской империи и были полностью отделены от этих отношений. Там османы сами собирали налоги, распределяли доходы и назначали должностных лиц так же, как и в других областях своей империи.

Османы хорошо использовали рычаги своих финансовых грантов. Войска *секбанов* и экономическое влияние на правящую элиту позволяли османам вмешиваться во многие дела, представлявшие внутренний интерес Крыма. Хотя эта практика никогда не имела под собой нормативной основы, она становилась все более частой в XVII веке, пока в крымской элите не возникло движение, требовавшее отделения от Османской империи и возвращения к независимому политическому существованию [10].

Крымские привилегии

Ханы никогда не отказывались от своих исключительных прав в степи; эти привилегии были обретены ими благодаря чингизидскому наследию, а не получены от османских правителей. В официальной переписке, как со своими северными соседями, так и с османами, они использовали один из важнейших символов степного владычества – печать Чингизидов (*tamga*). Ханы оставляли за собой право поддерживать дипломатические отношения с Москвией и Польше (что в очередной раз доказывает фальшивость предполагаемого договора 1478 года, который это запрещал). Крымские послы появлялись в Москве чаще, чем османские. Там они проживали в особом здании под названием *Крымский двор*. Оно служило как пунктом сбора московской дани, так и местом осуществления обычной дипломатической деятельности [11].

Поскольку ведение дипломатии является одной из прерогатив суверенного государства, то напрашивается вывод, что в данном случае налицо очередное доказательство лишь частичной зависимости Крыма от османов. Еще одним таким признаком является тот факт, что до последней половины XVIII века ханы продолжали чеканить собственные монеты – с печатью Гераев, а не османских султанов [12].

Утверждения многих советских историков о том, что крымские татары были марионетками в руках Османской империи, ошибочны. Их цель заключалась в попытке показать, что татары не были независимым образованием в степном регионе в период ханства и, следовательно, никогда не имели там политической легитимности. Логическим завершением подобной аргументации являлся вывод о том, что татары были деструктивным элементом, подчинение и полное выдворение которого с территории данного региона были абсолютно оправданы [13].

Правление Менгли Герая

Менгли Герай оказался эффективным правителем, чьи амбиции были сопоставимы с его умением справляться с внутренними проблемами, которые часто создавали лидеры кланов, и его умением использовать свои новые отношения с султаном с максимальной выгодой для ханства. Менгли Герай понял, что внимание лидеров кланов можно легко направить на зарубежные походы, избавившись тем самым от давления, с которым он столкнулся после смерти отца.

В 1484 году он получил приглашение от султана Баязида II принять участие в его походе в Молдавию для захвата крепости Аккерман. В качестве вознаграждения за это Менгли Герай расширил свои владения, включив в них бессарабские города Каушаны, Томбасар [совр. Дубоссары. – Прим. пер.] и Балту (Kavshan, Tombasar and Balta); в то же время добыча, захваченная татарами, оказалась настолько привлекательной, что они охотно стали участвовать в военной кампании Османской империи на западе.

Среди трофеев было множество пленников, которых привезли в Кефе и продали работогорвцам с большой прибылью. Это подготовило почву для работогорвли, которая стала одним из важнейших источников прибыли ханства. Военная поддержка османов Менгли Гераем способствовала укреплению внутренних позиций ханской администрации и служила для обеспечения необходимого подкрепления собственной грозной военной силы османов против Польши и Габсбургов [14]. С другой стороны, такая политика заставила ханов все больше и больше зависеть от успехов Османской империи, поэтому с ее окончательным падением ханство тоже пришло в упадок.

В крымских внешнеполитических делах взоры Менгли Герая были обращены на север, и в 1502 году он предпринял серьезные попытки усилить свое влияние в тюркских степях до Волги. Хан лично возглавил армию против Золотой Орды и вошел в ее столицу Сарай, частично разрушив ее. Его сын Сахиб Герай должен был продолжить эту борьбу, заняв престол в Казани и добившись временного семейного единства между Казанским и Крымским ханствами. Безусловно, такая деятельность противоречила интересам северного соседа – восходящего Московского государства. Менгли Герай для укрепления северного фланга заключил в 1511 году союз против Москвы с польской Ягеллонской монархией. В рамках этого соглашения хан отказался от притязаний на исторические права (основанные на правах Чингисхана) на любые земли в Белой Руси (*White Russia*) или на Украине в составе Польского королевства. Хотя этот союз оказался хрупким, отношения хана с Польшей поддерживались на дружеской основе до тех пор, пока он чувствовал опасность на севере.

Менгли Герай понимал, что сильное ханство требует внутреннего развития, которое включало бы создание столицы, достойной государства, религиозную и культурную жизнь, которая дала бы государству какую-то внутреннюю цель, и экономическую структуру.

В 1503 году в Солхате, который позже получил историческое название Эски Кырым («Старый Крым»), Менгли Герай построил дворец под названием Ашлама Сарай (*Aşlama Saray*), который прославился красотой портала и башен³. Портал был создан представителем венецианской архитектурной школы XV века, вероятно, архитектором Алевизом⁴, которого Иван III нанял для возведения некоторых пристроек Московского Кремля. Из русских источников известно, что Алевиза задержали в Крыму в 1502 и 1503 годах по пути в Москву, а надпись на портале Менгли Герая имеет дату 1503 г. [15].

В своей столице и дворце в Солхате Менгли Герай заложил основы крымской административной структуры. Он создал ханский *диван* (*divan*, «совет»), на котором присутствовали представители родов, наследник хана, носивший титул калга, и главный административный чиновник его правительства – визирь. В последующие годы состав *дивана* (*divan*) изменился, но его ведущее положение в правительстве установил Менгли Герай [16].

Менгли Герай построил несколько высших учебных заведений или медресе. Особенно большим и важным было медресе (*medresse*) Зынджырлы в Салачике⁵, руины которого можно увидеть и сегодня. Точно так же большая мечеть, предположительно созданная по образцу собора Святой Софии в Стамбуле, была построена в Солхате. К сожалению, мечеть была разрушена в середине XIX века⁶ [17].

В экономическом плане Менгли Гераем было положено начало политике, основу которой составлял сбор дани с Московии, Польши и Дунайских княжеств, регулярные поощрения из Стамбула, а также захваченная в походах против неверных добыча, чаще всего пленики, которых продавали в рабство. В конце XVII века баланс сил изменился в пользу Московии и Габсбургов в противовес Османской империи, и экономических ресурсов крымского государства оказалось недостаточно. Их отсутствие было главной причиной упадка и окончательного исчезновения ханства.

После кончины Менгли Герая в 1514 году оставленное им наследие не было однозначным: тесная зависимость от османов, шаткое внутреннее

---

³ Ашлама-Дере находится неподалеку от Бахчисарая. В Солхате (Старый Крым) таких долин нет и о таком дворце нет сведений.

⁴ Итальянский архитектор Алоизио да Карезано (Каркано), работавший в России в конце XV – начале XVI вв. – Ред.

⁵ Район Бахчисарая. – Ред.

⁶ В Солхате такой постройки не было.

единство, которое пришлось поддерживать походами в чужие страны, заложенные основы прочной внутренней административной структуры и наследной линии правящей династии Гераев. Что касается последнего, важно отметить, что ранее бывший соперник Менгли Герая Нурдевлет не использовал династическое имя Герай, даже когда он исполнял обязанности хана; ни один из братьев Менгли Герая не использовал имя Герай. Тем не менее, все сыновья Менгли и их сыновья к своему мусульманскому имени добавили династическое имя Герай. Таким образом именно Менгли, а не Хаджи Герая можно считать настоящим основателем династии Гераев в Крыму.

3. Политическая система Крымского ханства

Крымскотатарское ханство было одним из важнейших государств Восточной Европы с начала XVI до конца XVII века. Это верно несмотря на то, что большинство историков считали татар в лучшем случае вассалами османского султана и северным средоточием его агрессивной имперской политики против христианского мира или, в худшем случае, полуцивилизованными разбойниками, способными лишь совершать набеги и опустошать степи, живя за счет своих более цивилизованных соседей.

Однако, фактически Крымское ханство обладало всеми соответствующими предпосылками ранней современной государственности. У него было жизнеспособное правительство с центральной администрацией, которая обеспечивала руководство в военных, политических и экономических делах. Его управление было основано как на исторических традициях, так и на хорошо развитой правовой системе. Правовая система была построена по образцу османской, основанной на исламском праве, хотя и содержала некоторые пережитки татарских центральноазиатских традиций.

В ханстве была четко выстроенная социальная система, по крайней мере с такой же высокой долей городского населения, как и у его северных и восточных соседей. Основу экономики составляла торговля, включая торговлю рабами, а также сельское хозяйство и скотоводство. Образовательная система была такой же сложной и процветающей, как у османов, причем более развитой, чем в Московии.

Наконец, крымские ханы были меценатами. Они создавали как духовные, так и светские памятники культуры. Историографическая литература, написанная татарскими авторами, превозносila развитие ханства и была значительным вкладом в исламскую литературу. Ввиду всего этого странным является тот факт, что сегодня в историографии Восточной Европы крымских татар принято считать не имеющими государства и цивилизации.

Династия Гераев

На вершине структуры крымского общества находилась династия Гераев, которая обеспечивала порядок и безопасность в государстве. Гераи проводили свое генеалогическое происхождение от Золотой Орды до Великой Орды и Чингисхана. Эта традиция дала династии ощущение исторической легитимности и политической претензии, воплощенной в ханских титулах. Менгли Герая знали как:

«Крымского хана, рожденного от чистого рода, происходивший от Великого хана, через династию ханов, ранг которых давал ему верховную власть обладателя государства, обладателя высшей хвалы Божьей, принесшей ему великое достоинство и принесшей ему большое счастье, который, подняв флаг династии, проявляет великое упорство в битве с врагом» [1].

Спустя столетие крымского хана называли «Великой Орды и Великого Юрта, Кыпчакской степи, Крымского государства (юрта), бесчисленных татар и ногаев, Великим Владыкой» [2]. Хотя эти титулы предназначались для внутреннего потребления, ханы использовали аналогичные титулы и в дипломатической переписке с иностранными государствами. В записке к московскому царю 1680-х годов хана описывали как: «По милости Божией Великой Орды, Великого Крымского Юрта, Кыпчакской степи, бесчисленных татар правых и левых земель, а также черкесов, Благословенный Хан, Мы великий Мурад Герай Хан» [3].

Согласно сообщению татарского летописца XVI века, хан должен быть знатным (*Гераэм*) по происхождению, иметь красивую внешность, быть умным, иметь авторитетный вид, быть волком против несправедливости и овцой по отношению к праведным, защищать землю от всех врагов и придерживаться всех соглашений [4]. Важно отметить, что здесь не упоминается форма политической власти, которой хан должен обладать или действительно обладает.

Понятие автократии явно отсутствует. Здесь политическая идеология ханства расходится с османской моделью. Османский султан не только правил, во многих отношениях он действительно был единоличным государем. Вместо этого татары следовали идеологии и практике Орды: хан и его династия были символами ханства, но правила они при активном участии вождей важнейших кланов. Теоретически земли ханства были вотчиной Гераев.

Ождалось, что старший член династии займет трон так же, как старший член каждого клана будет действовать как бей. Но фактически представитель дома Гераев, ставший ханом, выбирался сложным путем, который часто отличался от традиционного. Речь идет о пожеланиях лидеров кланов, выраженных на их курултае (*kurultay*). Теоретически роль Осман-

ской империи в избрании крымского хана сводилась к акту подтверждения решения курултая (*kurultay*).

В ознаменование свершившегося выбора османы вручали претенденту некоторые символы политической власти – почетную одежду и крупную денежную сумму, передаваемую избранному хану специальным представителем.

Однако в течение XVI и XVII веков на практике появляются избирательные модели, которые часто отличаются от теоретической. За исключением того факта, что только члены семьи Гераев становятся ханами, не существует установленной формы наследования власти. В одном случае на престол восходит старший брат правящего хана, в другом – старший сын хана, в третьем – другой брат или сын.

Согласно традиции и практике, представители династии Гераев занимали еще два официальных поста – султанов калга (*kalga*) и нурредина (*nurredin*). Согласно крымской политической теории, эти два чиновника считались наследниками престола. На практике это было редкостью. В то время как хана выбирал курултай, а его выбор был подтвержден или отвергнут османским султаном, эти две должности назначались ханом самостоятельно.

Таким образом, власть хана проистекала из трех составляющих: татарской традиции, избрания его курултаем и принятия этого выбора и последующей его финансовой поддержки со стороны османского султана. После вступления на престол положение хана зависело от его способности удовлетворять запросы и нужды других членов семьи Герай и лидеров влиятельных крымских кланов. Такая задача требовала как эффективного управления государством, так и прибыльных походов в чужие страны. Неслучайно ханами с самым долгим сроком правления были те, кто сумел обеспечить Крыму и добычу от военных походов, и сильное внутреннее правление.

Финансы Гераев

Экономических ресурсов хана хватало только для поддержания его придворной деятельности и содержания дворцов. Большая часть полуострова находилась вне его финансового контроля. Наибольшая доля доходной земли была сосредоточена в руках кланов, мусульманских религиозных институций и османов.

В дополнение к налогам, на которые Гераи могли рассчитывать со своих земель, они также обладали монополией на производство соли. До конца XVII века Гераи также получали дань в разном размере из Московии, Польши и Дунайских княжеств [5].

Деньги были необходимы для обеспечения функционирования нескольких судов. В качестве обозримого доказательства своего суверенитета хан содержал большой дворец в Бахчисарае и загородные поместья в Улаклы и Алма (К концу XVI века первый ханский дворец в Солхате пришел в запустение и уже не использовался). Калга и нурредин султаны (the *kalgai* and *nurredin* sultans) также имели собственные дворцы в Акмесджите⁷. Иностранные послы, посетившие эти дворцы в начале XVII века, указывали на то, что там, очевидно, никакие официальные дела не велись. Отмечалось, что дворцы, по всей видимости, были в основном центрами развлечений для наследников престола из рода Гераев [6].

А последние являли собой большое числа султанов рода Герай, в том числе всех здравствующих мужчин династии, никогда не занимавших ни одной из трех высших должностей. Из османских записей следует, что этих султанов одновременно насчитывалось до пятидесяти человек [7]. И правящим ханам, и османам было нелегко обеспечивать активность этих султанов, удерживая их при этом от стремления занять одну из высших позиций. Некоторые из них были назначены ханскими представителями в ногайских землях, часть их была отправлена в Черкесию, чтобы представлять и обеспечивать там ханские интересы, другие содержались в поместьях, закрепленных за Гераями османскими султанами.

Эти последние изначально назывались *rehin* («заложник»). *Rehins* отправлялись в Стамбул, чтобы обеспечить сговорчивость хана по отношению к османской политике.

По иронии судьбы, некоторые калга-султаны способствовали разгоранию внутренних беспорядков внутри ханства. В XVIII веке часть султанов, представлявших хана среди ногайских орд, спровоцировали восстание и установили независимые отношения с Россией с целью продвинуться по службе [8].

Администрация и право

По мере развития ханства в XVI веке ханская дворцовая администрация превратилась в обширный бюрократический аппарат. Число подчиненных ему чиновников росло, пока ресурсов хана стало недостаточно для их содержания. Чиновничий аппарат включал в себя ряд должностей, состоящих из *kapikulu*, представленными просвещенными учеными *ulemami* (*ulema*) и дворянами более низкого ранга из других влиятельных кланов [9]. Достоверная информация о работе этой системы до середины XVIII века практически отсутствует. Архивы бюрократического аппарата ханства не изучались и с конца XIX века исчезли из поля зрения [10].

---

⁷ Совр. Симферополь. – Ред.

Известно, что правовая система ханства основывалась на нескольких традициях: исламское право, интерпретируемое и применяемое должностными лицами мусульманских институтов; традиционное татарское законодательство, основанное на предполагаемом унаследовании от Великой Ясы («свода законов») Чингисхана; и в меньшей степени – османское право в тех областях полуострова, которые находились под контролем османского султана или в отношениях между ханами и Стамбулом.

Возникла одна из главных проблем между османами и крымцами из-за разницы между татарским обычным правом и османским законодательством (*kapit*), правом по вопросу о престолонаследии. Османская практика заключалась в вертикальной линии преемственности старшему сыну правящего султана. Исторически татарская практика, основанная на Великой Ясе, была горизонтальной. Самый старший из здравствующих мужчина из династической семьи сменял правящего хана и занимал престол. Согласно традиции, до тех пор, пока не становился ханом, он находился в должности *калга-султана* (*kalgay*). Несмотря на то, что крымские татары не всегда придерживались этой традиции, из различных споров с османами видно, что они не желали окончательно отказываться от своей традиционной системы [11].

Татарский закон соблюдался в вопросах престолонаследия, и он определял отношения между ханами и другими татарскими кланами. Кланы, согласно татарскому обычая, проявляли свою власть через периодические собрания *kurultay*, не имевшие османских аналогий. Точно так же в области социальных отношений татары отдавали предпочтение практике, проводимой Золотой Ордой, чем той, которая использовалась в Османской империи. С другой стороны, османская административная практика была образцом для ханского «совета» – *Дивана* (*divan*) и многих его придворных чиновников.

Наконец, исламское право, которое применялось мусульманскими должностными лицами вне гражданской администрации хана, определяло повседневное правовое поведение мусульман в ханстве. Лидером правящей элиты был *муфтий* (*mufti*), избираемый местным мусульманским духовенством из своих же рядов. Его основная обязанность не была ни судебной, ни теологической, она была финансовой. Администрация муфтията (*mufti's*) контролировала все земли *вакуфов* (*vakif lands*) – земли, принадлежащие мусульманским учреждениям, и их огромные доходы, которыми они же и распоряжались. Еще одним мусульманским чиновником, назначенным не духовенством, а османским султаном, был *кадиаскер* (*kadiasker*). Он курировал судебные учреждения ханства.

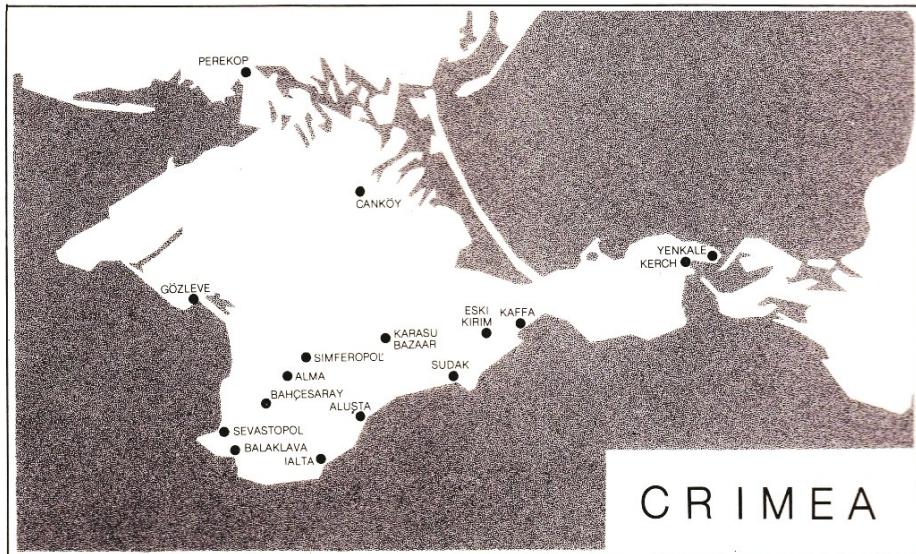

Рис. 1. Крым

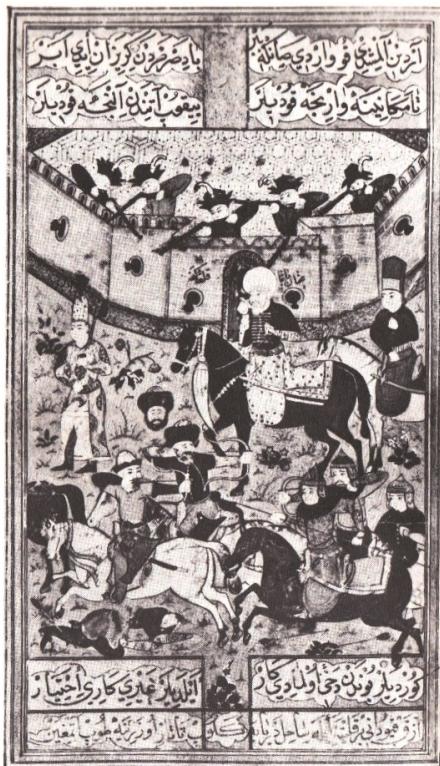

Рис. 2. Сражение между османскими турками и крымскими татарами у крепости Кефе в период 1453–1475 гг. (Из *Şüca’at-name* of Aşafî Paşa made in 1586. В библиотеке Университета Стамбула: Yildiz. 2385/105, fol. 207)

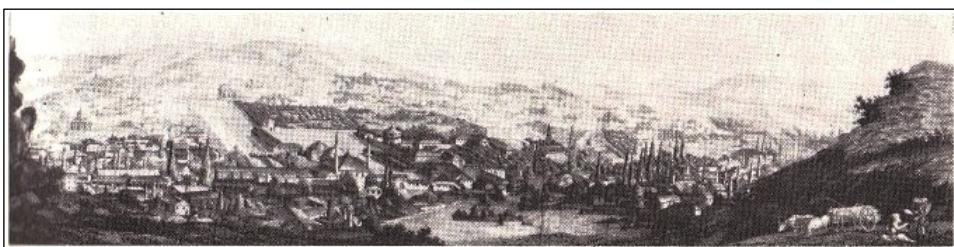

Рис. 3. Общий вид Бахчисарая в 1800 г.

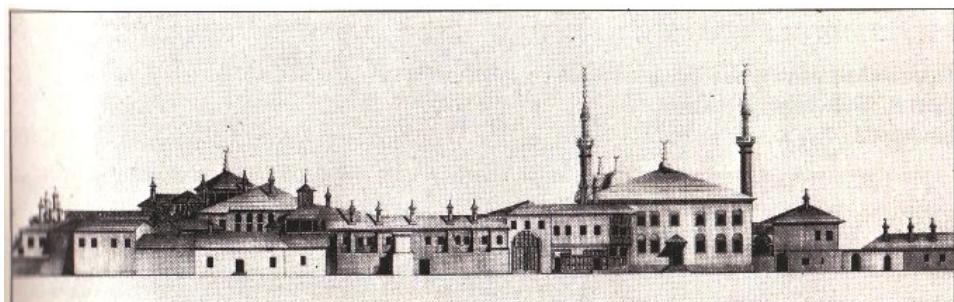

Рис. 4. Бахчисарайский дворец в 1800 г.

Рис. 5. Двор Бахчисарайского Дворца (восстановленный в 1737 г.)

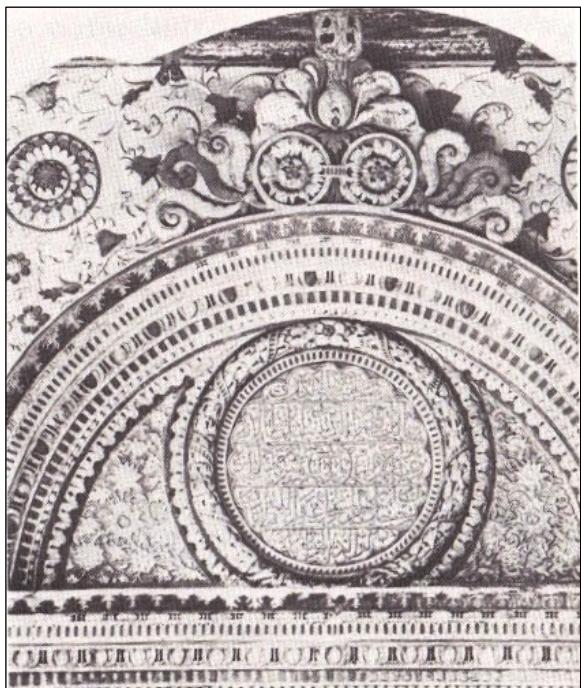

Рис. 6. Надпись над
Великим порталом.
Бахчисарайский Дворец
(восстановленный
в 1737 г.)

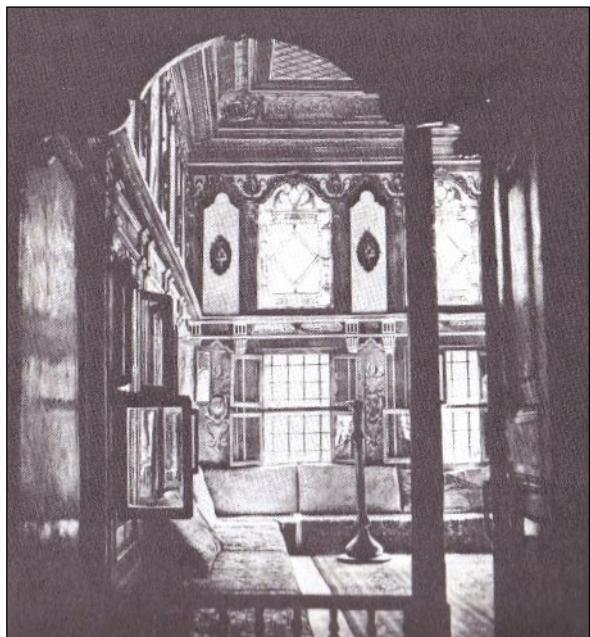

Рис. 7. Интерьер.
Бахчисарайский Дворец
(восстановленный
в 1737 г.)

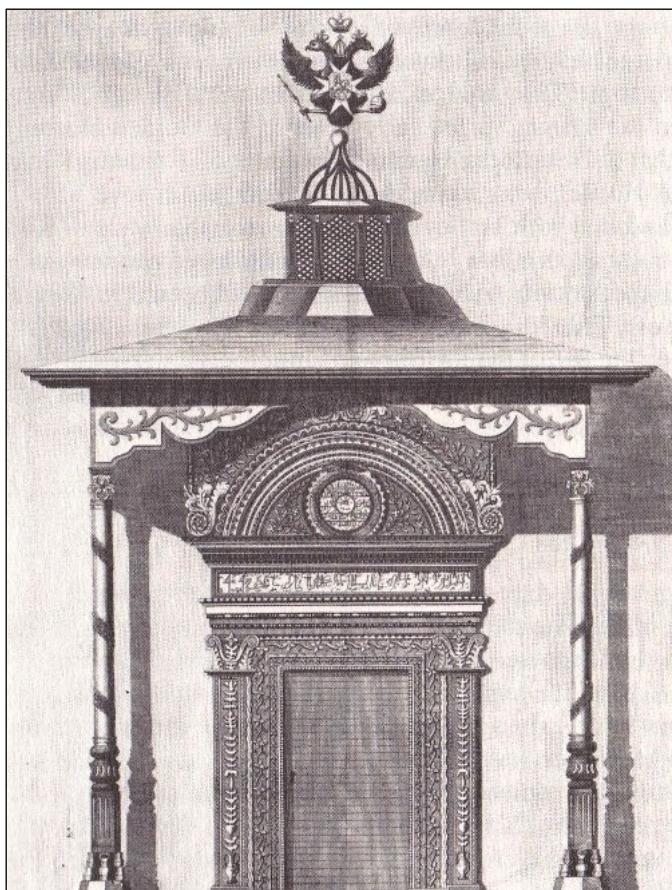

Рис. 8. Великий портал. Бахчисарайский дворец в 1800 г.

Полуостров был разделен на небольшие судебные округа, каждый из которых находился в юрисдикции *кадия*. Теоретически кадий подчинялся *кадиаскеру*. В действительности они отвечали требованиям и потребностям гражданской бюрократии хана или вождей кланов в своих областях. Их назначения ханом или лидерами кланов формально одобрялись *кадиаскерами* [12]. Интересно рассмотреть использование султаном *кадиаскеров* для обеспечения османских линий информации и власти, но пока не появятся османские источники, отражающие эти отношения, можно только предполагать на этот счет.

Таким образом, исследуя характеристики административных институтов хана и его символы власти, можно обнаружить каркас суверенного государства с хорошо развитой централизованной структурой управления.

Однако, если более внимательно взглянуть на социальную организацию татар, а затем на экономические ресурсы ханства и распределение системы контроля, очертания политической власти ханства получаются более сложными. В отличие от своих соседей, ханство не было феодальной монархией, абсолютной монархией, родовым государством или восточной деспотией. Это было нечто совершенно иное, возможно не имеющее европейских или восточноевропейских аналогов.

Кланы татар

Гераи обладали символами суверенной власти, и из-за родства с Чингисханом их особое исключительное положение в татарской иерархии не оспаривалось. Однако их фактическая власть в ханстве была ограничена превосходящей силой влиятельных татарских родов. Эти кланы фактически наследственно владели большинством плодородных земель на полуострове, обладали экономической и политической властью над большей частью населения и имели преобладающую в сравнении с ханом военную силу. Сочетание этих факторов не позволяло хану действовать без сотрудничества и одобрения беев этих кланов.

Традиционная татарская иерархическая система регулирует отношения между различными кланами, а также между лидерами кланов и ханом. На протяжении веков эта система постоянно изменялась, поскольку различные кланы приобретали все большее значение за счет других. Но на протяжении всего существования ханства клан Ширин всегда занимал первое место [13].

Как и в случае с Гераями, Ширины обязаны своим положением той роли, которую их предки сыграли в Золотой Орде. Клан Ширин владел почти всей восточной частью полуострова, которая не входила в состав Османской империи, область к северу и востоку от Кефе и земли вдоль берегов Азовского моря. Ширин бей управлял обширными владениями клана из своего дворца Катырша Сарай (*Katırşa Saray*) недалеко от столицы бейлика (*beylik's*) – Карасубазара. С того самого времени, когда бей Ширин Эминек Мырза поддерживал Менгли Герая при османском дворе, желания Ширинов всегда особо учитывались османским султаном. Положение Ширинов как первых среди некоролевских семейств подтверждается тем фактом, что они были единственными татарами, кроме Гераев, дочери которых могли по закону выйти замуж за принца или султана из рода Гераев [14].

Наряду с Ширин беем (*Şirin bey*), беи трех других татарских родов составляли исключительное объединение крымской аристократии, называемое *карачи беи* (*Karaçi beys*). В качестве такой группы, четыре карачи бея оказывали большое влияние на хана, определяли успех или неудачу татарских военных походов, предоставляли или отказываясь поддержать начинания хана, и обычно представляли перед султаном пожелания татарского

курултая – вопрос о выборе или смещении хана. Они присутствовали на *Диване* и тем самым могли эффективно определять основные контуры крымской политики. Вместе они составляли более влиятельную силу, чем хан, и он не рисковал игнорировать их пожелания [15].

Сначала четыре караби бея были лидерами кланов Ширин, Аргын, Барын и Кыпчак (*Kırçak*). Другими кланами, которые достигли этого важного звания в XVII и XVIII веках, были Мансур Огланы и Сиджувуты (*Sicuvuts*) [16]. Функции *беев* включали в себя три основные категории: (1) консультирование хана в качестве членов *дивана* (*divan*), (2) представление пожеланий курултая перед османским султаном и (3) управление собственными землями или бейликами (*beyliks*). К сожалению, свидетельства о выполнении первой категории функций скучны, поскольку архивы ханства не были доступны ученым. При этом материал, отражающий две другие категории, весьма обширен, во-первых, потому что османские архивы исследуются на предмет информации по татарскому вопросу, а во-вторых, поскольку свидетельства о *бейликах* были тщательно изучены Ф. Лашковым в XIX веке.

Играя немаловажную роль в избрании нового хана, беи руководили церемониями, на которых представителями османского султана кандидату на ханский престол вручались формальные атрибуты суверенитета Крыма. Когда Сахиб Герай по просьбе караби беев (*Karaçi beys*) был провозглашен султаном Сулейманом I ханом, это подтверждение произошло в устье реки Буг (Ак Сув). Все началось с того, что хан вышел из шатра в одеянии, соответствующем его новому положению, и в сопровождении османского посла (*çavuş*). Его встретили четыре караби бея, которые также получили в подарок от султана почетные одежды [17].

На своих землях караби беи выступали защитниками интересов клана, отстаивая их перед другими родами и ханом.

Во время военной кампании каждый из беев (*bey*) принимал на себя командование воинским формированием, которое его клан мог предоставить в состав татарской армии. Каждое войско сражалось под знаменем своего клана. У караби беев были свои дворцы с придворными чиновниками и подчиненными, которых звали калгай (*kalgay*) и нурредин (*nurredin*), как у Гераев. Выбор бея был прерогативой клана, хотя часто титул почти автоматически переходил к старшему мужчине рода. Хан не имел права вмешиваться в процесс избрания бея. Помимо прочего, в ведении беев были назначение и контроль деятельности кадия (*kadis*) в своих бейликах [18].

После беев кланов караби, во главе знатных семей стояли мурзы (*mirzas*) (татарские дворяне) [19]. Теоретически их земли были разделены между беями, между тем источники указывают на то, что семьи мурз (*mirza*) владели своими землями в значительной степени по наследству. Невозможно определить, были ли эти семьи мурзы генеалогически связаны с

кланом, хотя вполне вероятно, что многие просто присоединились к тому или иному клану и могли по своему желанию выражать свою лояльность тому или иному. К сожалению, обнаруженные Лашковым свидетельства о происхождении и состоянии кланов не дают ответа на аналогичные вопросы о семьях мурз (*mirza*). По мере того, как в конце XVI века ханство все больше подпадало под османское влияние, происходила замена татарских управленческих институтов в сфере социальной организации османскими. Османская система *timar* (*тимар*) или *kapikulu*, посредством которых султан сохранял абсолютный контроль над большими участками земель империи, предоставляя их лишь во временное пользование своим личным слугам, после 1550 года начала появляться в Крыму. Это оказало негативное влияние на положение влиятельных татарских родов, владевших землями независимо от хана.

Вероятно, конфликты между двумя системами были неизбежны. Татарская знать, населявшая эти *timar* земли, была более верными союзниками хана, чем карачи беи, и часто использовалась ханом для противодействия влиянию последних. Таким образом на полуострове появилась земля для раздачи в качестве тимаров (*timar*), остается загадкой; в любом случае, вероятно, большая их часть была приобретена на Кавказе и частично в Бессарабии, со временем они были присоединены к ханским владениям [20].

Нижние классы (сословия)

Большинство татар, проживающих на полуострове, не составляли крымскую элиту. Скорее это были либо пастухи, либо крестьяне. Их отношения с землевладельцами не носили феодального характера. Большинство крестьян были мусульманами, и исламские законы гарантировали им невозможность потерять свои права. Земля распределялась по деревням, обрабатывалась совместно, и налог назначался хозяином на всю деревню. Бею, мурзе, хану или *kapikulu* было разрешено собирать три вида налогов со своих крестьян-мусульман. Ему причиталась одна десятая стоимости урожая зерновых, одна двадцатая часть продукции животноводства и переменная *corvée* (барщина, неоплачиваемый труд). Поскольку крестьяне при желании могли свободно уйти, те, кто собирали и назначал налоги, старались не злоупотреблять своими правами из-за страха потерять производителей на своей земле [21].

Ногаи

Помимо Гераев, татарской знати и крестьян татарское общество составляли еще два важных элемента: ногайские татары и, в меньшей степени, черкесы под властью хана. Ногайские татары были неотъемлемой частью Золотой Орды как одно из ее племенных объединений. До середины

XVI века они жили в степях к северу от Кавказа между Азовом и Астраханью, вели кочевой образ жизни. Когда Астраханское ханство в 1556 году было завоевано Московией, многие ногаи из этого региона мигрировали в степи к северу от Крыма и неформально подчинились суверенитету крымского хана. Однако вскоре они разделились на ряд объединений, которые играли важную роль в истории ханства до конца XVIII века.

Ногаи Кубани кочевали по степи к северу от Азовского моря. Иногда они проявляли верность ханам, иногда – царям. Едикульские ногаи (*Yediçuk Nogays*) жили в степи к северу от Крымского полуострова и заходили настолько далеко в Украину и юго-восточную Польшу, насколько позволяли казачьи отряды. Ногаями, сыгравшими важную роль, как в крымских, так и в османских отношениях с Восточной Европой, были буджакские ногаи (от Дуная до Днестра), ногаи едисанские (*Yedisan*) (от Днестра до Буга) и ногаи-джамбайлуки (*Jamboyluk Nogays*) (от Буга до северных подступов к Крымскому полуострову).

После того как ногаи приняли крымский суверенитет, от них потребовали признать власть ханских представителей, присланных из Бахчисарая для управления ими. Эти представители, называемые *сераскерами* (*seraskers*), не смогли добиться от ногаев твердой приверженности Крымскому государству, и все попытки установления некой крымской администрации у ногаев были безуспешны. Как степные кочевники, ногаи веками считали свой образ жизни более привлекательным, чем у оседлого населения, проживавшего в пределах ханства. Они участвовали в многочисленных восстаниях против татарского господства, доходя в своем противостоянии до убийства ханов и их представителей, когда выдвигаемые ими требования считались чрезмерными.

В 1523 году ногаи убили Мехмеда Герая I, а во время правления Сахиб Герая I вторглись на полуостров. Несколько раз в течение XVII века некоторые из вождей ногаев порывали связи с Крымом и предлагали признать московского царя. В конце XVIII века, когда Екатерина II пыталась положить конец взаимоотношениям ханства и Османской империи, именно среди ногаев она нашла абсолютную поддержку. И все же ногаи в определенной мере принесли пользу ханству. Они предотвратили создание прочных славянских поселений в степи и обеспечили крымские невольничьи рынки нескончаемым потоком пленных [22].

Что касается черкесов, то крымские ханы просто унаследовали притяжания на власть, сохранившиеся после упадка Золотой Орды. У Гераев была особая договоренность с некоторыми из них, в соответствии с которой некоторые крымские султаны получали военное образование под руководством черкесов. Они также были прекрасным источником рабов, в особен-

ности рабынь, за счет которых пополнялось число жен и наложниц ханов и татарской знати [23].

В Черкессии в конце XVI века ханы построили ряд укреплений, в которых они поселили ногаев с целью защиты местности от нападений казачьих разбойников и калмыков (настоящих монгольских остатков Монголотатарской империи). Османское правительство признало право хана осуществлять политическую власть на большей части Черкесии, в обмен на это ханы предоставляли османскому султану ежегодную дань черкесскими рабами.

Таким образом, до начала XVIII века политическая структура Крымского ханства представляла собой сочетание нескольких систем. Правитель принадлежал к потомственной династии и занимал положение государя. Его администрация была хорошо развита и включала в себя всевозможных придворных и дворцовых чиновников, характерных для раннего современного государства. Однако власть правителя в ханстве ограничивалась влиянием кланов, их вождей и изначальной лояльностью подавляющего большинства мурз (*mirzas*) к беям (*beys*).

Ханы время от времени находили поддержку против восставших татарских дворян среди ногаев и черкесов, но эта поддержка была крайне зыбкой. Авторитет хана был в лучшем случае равным авторитету других представителей и слоев общества. Именно в сфере экономической и культурной жизни была найдена реальная основа деятельности Гераев как правителей ханства.

4. Экономическая и культурная жизнь в ханстве

В своей кампании по оправданию перемещения (вероятно, речь идет о депортации. – Прим. пер.) крымских татар в 1944 году советские историки называли их налетчиками и разбойниками, которые жили за счет сбора добычи и дани у своих соседей и не создавали в Крыму сети городов и крестьянского хозяйства. Они утверждали, что именно по этим причинам татар нельзя считать имеющими территориальные или национальные претензии на существование сегодня. Яркими примерами подобных мнений являются работа Новосельского, в названии которой татары объединены с турками, и книга Якобсона о Крыме в средние века, где только последняя небольшая глава посвящена теме «Тюрко-татарской оккупации» в период примерно середины XIV века [1].

Если бы советские историки признали факт, что крымские татары когда-то имели экономически и культурно развитое государство, аналогичное их собственному государству, им было бы трудно оправдать судьбу татар, постигшую их после 1944 года.

Работоторговля

Приходится лишь констатировать тот факт, что работоторговля была важнейшим элементом экономики крымских татар с середины XV до XVIII века, и, к сожалению, читатель соглашается с советским суждением. Как работоторговля могла стать основой экономики раннего современного государства? У западного читателя мало сочувствия или понимания порабощения христиан мусульманами или любыми другими нехристианскими народами. Одного только этого, кажется, достаточно, чтобы вызвать негативное отношение к татарской экономике и обществу. И все же участие в системе рабства и работоторговле, похоже, не оказalo пагубного воздействия на культуру Венеции, Генуи или Нидерландов в тот же период. Эта глава посвящена характеру и масштабам работоторговли в Крыму и городам, которые вследствие этого возникали. Кроме того, в центре внимания – расцвет крымскотатарской культуры, получившей развитие в этих городских центрах.

На просторах Крыма работоторговля существовала еще с тех самых пор, как возникла письменная история этого региона. В период, предшествующий завоеванию Константинополя османами и возникновению Татарского ханства, берега Черного моря являлись крупным источником рабов для иностранных покупателей [2]. После 1475 года, когда османы и крымские татары победили итальянцев, основными торговцами рабами в Крыму теперь стали мусульмане. С начавшимися в этом регионе войнами и появлением пленников мусульмане легитимизовали эту деятельность [3].

Крымские татары хорошо подходили для продолжения и расширения этой формы торговли. Многие из них сохранили кочевые навыки и пристрастия, несмотря на то, что к XVI веку большинство из них перешло к сельскохозяйственному или городскому образу жизни. Татарская знать была враждебно настроена по отношению к христианскому населению, живущему за пределами исламского пограничья, и одновременно презирала крестьянское население, которое там проживало. Начиная с 1468 года, времени первого зафиксированного в документах набега татар в северную степь, и до конца XVII века, татарские всадники почти ежегодно совершали набеги на славянские сельскохозяйственные общинны на севере в поисках пленных для продажи в рабство [4].

Понятно, что славянские историки описывают эти события с тревогой; тем не менее, если смотреть с менее эмоциональной или национально-патриотической точки зрения, эти набеги можно рассматривать как очень успешную экономическую деятельность, являвшуюся источником средств, с помощью которых татары организовали оживленное городское общество и развитую культуру.

У украинцев и поляков сохранился ряд литературных произведений о последствиях пребывания в рабстве у турок и татар. «Думы о невольниках»

рассказывали, как их продавали сначала в Кефе, затем в Стамбул, а затем и в Аравию. Другая былина повествует следующее:

*«Бедный раб из Турции передает привет
Из земли Мухаммеда в христианские города.
Своему отцу и матери;
Он не может их приветствовать,
Но он приветствует серых голубей,
«О, ты, серый голубь,
Который летает высоко и далеко!
Лети в христианские города к моему отцу и матери.
Напомни им о моей казачьей доле» [5].*

В дополнение к прибыли, полученной от захвата и продажи рабов, выкуп (продажа пленников обратно представителям или выходцам с их родных земель) стал не менее прибыльной разновидностью работорговли. Система выкупа была тесно связана с сохранением политических прерогатив татар в степи по отношению к Польше и Московии. Если вспомнить, что московская политическая идеология в XVI веке настойчиво претендовала на власть не только в Восточной Европе, но и во всем восточно-христианском мире, действительно странно вдруг обнаружить, что Московское государство позволяло крымским татарам совершать такие набеги на свои территории, а затем участвовало в выкупе несчастных пленников.

Сбор финансовых средств для выкупа стал серьезным материальным бременем для правительства Москвы. В 1535 году царь Иван IV издал указ своему воеводе в Новгороде, который гласил: «В прошлом году татары пришли в Украину, и согласно нашим представителям, взяли в плен мужчин, женщин и детей. Чтобы выкупить их, мы просим серебро у монастырей» [6].

В 1551 году Земский Собор упорядочил выкуп русских рабов, содержащихся в Крыму [7]. Дошло до того, что Иван IV поощрял купцов в Крыму, владеющих этими рабами, привозить их в Москву для продажи.

Наконец, в 1649 году «Уложение» («Свод законов») царя Алексея учредило специальный фонд, пополняемый за счет ежегодного налога для обеспечения сбора все более возраставшей суммы, необходимой для выкупа рабов. Подобные действия московского правительства указывают на то, что оно было еще недостаточно сильным, чтобы предотвратить набеги татар за рабами или освободить этих рабов силой. Таким образом, ханы получали значительную и постоянно возраставшую сумму от своих русских соседей.

Польша также находилась в зависимом положении у татарского правительства через уплату ежегодной дани. Польские историки характеризовали эту дань как умиротворение с целью предотвращения набегов. Дань соби-

ралась государством за счет специального подушного налога с евреев. Более чем за пятилетний период, в середине XVII века это польское умиротворение составляло более 700 000 золотых [8].

Хотя ханы и не владели достаточными земельными площадями, что обеспечило бы им полный экономический контроль над ханством, они действительно обладали значительными финансовыми ресурсами. Последние, в свою очередь, формировались из суммы податей с Московии и Польши, из их процентной доли от всех пленных, привезенных в Крым, и за счет крупных пожертвований разного рода, получаемых от османов.

С конца XVII века, когда ханы утратили все эти ресурсы, кроме последнего, их авторитет в самом ханстве стал резко снижаться.

Городское население

Экономика Крыма зависела, в первую очередь, от торговли, большую часть которой составляла работторговля. Это легко прослеживается в расположении крымских городов, доле в них местного населения, и в типах и категориях городского населения, которое они содержали. В XVI–XVII веках иностранные путешественники отмечали масштабы и красоту городов. В своих отчетах они выражали немалое удивление живостью этой культуры, время от времени сравнивая ее с городами Московии не в пользу последней.

Собственным портовым городом хана был Гёзлеве (Евпатория), который, как и Кефе, был важным торговым центром, находящимся под итальянским управлением до основания ханства. После столицы татар – Бахчисарай Гёзлеве был самым большим городом, принадлежавшим Гераям. Боплан (*Beauplan*), посетивший Крым в XVI веке, описал город, имеющий более 2000 домов⁸. В 1850 году, даже после разграбления, которому подверглись такие города в XVIII–XIX веках, в Гёзлеве все еще сохранилось несколько больших мечетей, старая татарская таможня и два медресе (*medresses*) [9].

Другие города также развивались как важные центры. Карасубазар (*Karasu Bazaar*), столица бейлика Ширинов (*Şirin beylik*), имела огромный караван-сарай (*caravan sarai*) и базар (*Taş Han*), которые особенно бросились в глаза Палласу, когда он, путешествуя, побывал там, в конце XVIII века. В начале столетия в нем было двадцать три мечети и двадцать ханов (*hans*), совмещенных рыночных площадей и постоянных дворов. Он был центром владений бея Ширинов (*bey*) и местом периодических встреч кочевников. В результате ожесточенных боев вокруг города, предшествовав-

---

⁸ Боплан не посещал Крым вообще. Он был на приднепровских территориях в XVII в.

ших присоединению Крыма к России, располагавшийся здесь дворец Ширинов, по всей видимости, был стерт с лица земли. Но вполне вероятно, что это было здание, достойное своих жителей [10].

На протяжении большей части истории ханства Акмесджит (Симферополь), находившийся под контролем калгай (*kalgay*) султана, был самым большим городом, не подчинявшимся османскому контролю. В начале XVIII века численность населения в нем превышала 8000 жителей мужского пола. Однако Паллас писал, что к моменту его путешествия дворец *калги* (*kalgay's*) был полностью снесен, и на этом месте «теперь располагались пивоварни» [11].

Основным городом ханства был Бахчисарай – столица ханов. То, что это был город с многочисленным и разнообразным по составу населением, отразилось в наличии множества мечетей и церквей. К концу XVIII века Паллас сообщал о 31 мечети, одной греческой церкви, одной армянской церкви и двух синагогах. Город был крупным торговым центром Крымского полуострова, здесь располагались многочисленные *ханы* (*hans*) и купеческие кварталы; чрезвычайно развита была кожевенная промышленность, а также производство зерна – Бахчисарай был крупным мукомольным центром государства [12].

Бахчисарайский дворец

Центральным элементом города был дворец Гераев. Обширный комплекс относительно невысоких зданий, планировка которого в значительной степени отличалась по стилю от европейских или русских дворцов. Хотя по оформлению и элегантности он не был сопоставим с дворцом Топкапы в Стамбуле, однако размерами, планировкой и структурой они были очень схожи. Дворец в плане имел традиционную исламскую систему с тремя внутренними дворами, предназначенными для королевской семьи и ее личных слуг.

В большинстве татарских и западных источников время строительства датируется 1503 годом – датой, обнаруженной на *Golden Door* (Золотая Дверь)⁹ у входа в третий двор. Тем не менее, профессор Эрнст, внимательно изучив дипломатические источники из Московии и Польши, решил, что дворец, скорее всего, был построен между 1533 и 1551 годами, во время правления Сахиб Герая I. Эрнст обнаружил, что северные дипломаты, по крайней мере, до 1533 года, доставляли свою корреспонденцию и получали ответы от «хана или его представителей» из Солхата (*Solhat*)¹⁰, как они

---

⁹ Golden Door, Портал Алевиза. В настоящее время принят термин Iron Door, Демир Капу.

¹⁰ Историографическая ошибка. Речь, вероятно, идет о Салачике.

называли крымскую столицу. После этой даты именно Бахчисарай появляется в источниках как название столицы Крыма.

Таким образом, вполне вероятно, что хан Сахиб Герай I привез знаменитую дверь из своего более раннего дворца, чтобы подчеркнуть преемственность политической власти [13]. Дополнительным доказательством этого предположения является тот факт, что в конце XVI века Бахчисарай не был крупным городом. Он начал расти только в начале XVII.

Броневский описал Бахчисарай середины XVI века как «небольшой городок с каменным домом, в котором живет хан» [14].

К сожалению, первый дворец ханов в Бахчисарае был разрушен вторгшейся русской армией в 1735 году, а начиная с 1738 года он был перестроен в несколько ином стиле. Многие сохранившиеся подробные описания дворца относятся к более поздней версии [15].

Легенда, которую крымские татары использовали для объяснения происхождения власти ханов рода Герай и которая послужила названием хроники, посвященной очень важной истории татар Крыма – «Розовый сад Ханов» (*The Rose Garden of the Khans*). Эта легенда была начертана на портале главной королевской мечети, расположенной неподалеку от дворца. Она гласит следующее:

«Кто такой Хаджи Селим? Это был самый известный из всех ханов, героев вдохновенных Богом. Дай Бог ему всяческой благодарности за строительство этой мечети. Личность Селима Герая сравнима с Розовым садом. Сын, родившийся от него, это роза. Каждый из них, в свою очередь, имеет огромный почет и уважение во дворце. Розовый сад украшен новым цветком; его необыкновенная и свежая роза стала львом падишаха Крыма, Селямет Герай Ханом» [16].

Немусульманское население

Почти все немусульманское население проживало в городах Гёзлеве, Карасубазаре, Акмесджиде и Бахчисарае. Интересно отметить, что многие из этих немусульман (в основном, армяне, грузины, греки и иудеи-караимы (*Karaim-Jews*) переняли образ жизни крымских мусульман – за исключением религии. Иудеи-караимы (*Karaim Jews*) говорили на тюркском языке, жили согласно тюркским традициям и даже пели чисто тюркские песни. Известно, что греки и армяне, переселенные из Крыма в Российскую империю в 1779 году, говорили на тюркском языке [17].

Немусульмане жили в разных кварталах этих городов или в особых пригородах вблизи них. Как это было обычно в большинстве исламских государств, они контролировали бизнес, торговлю, судоходство и частные финансовые дела. В соответствии с традициями *миллет* (*millet*), религиозной общиной, действовавшей в Османской империи, немусульмане в Крыму

пользовались услугами своих собственных религиозных судов, которые обладали юрисдикцией по внутренним делам в их общинах. Налоги на немусульман были относительно высокими. В дополнение к налогам, действующим для всех крымцев, немусульмане также должны были выплачивать *джизья* (*cizye* – «подушный налог»). Теоретически это заменило им военную службу. Однако нет никаких свидетельств того, что они подвергались какой-либо дискриминации или преследованиям, которые обрушивались на иноверцев в христианских государствах на севере [18].

Иудейская община караимов жила в несколько иных условиях, чем другие немусульмане. Сосредоточившись в одном городе Чуфут-Кале (*Çufut-Kale*) около Бахчисарайя, они обладали рядом особых прав и привилегий, в которых христианским подданным было отказано. Караваны были освобождены от ряда крымских налогов и имели право на «владение» своим городом и полное невмешательство в их местную политическую жизнь. Обстоятельства происхождения этих привилегий неясны.

Чуфут-Кале был важной татарской крепостью еще до основания столицы и местом захоронения нескольких первых татарских ханов и представителей знати. Его прежнее название было *Кырк Ер* (*Kirkyer*), (*Çufut Kale* означает «Еврейская крепость»), и, согласно некоторым татарским источникам, он был первым центром татарской политической власти в Крыму в годы становления Золотой Орды. Своими внушительными размерами была известна гробница *Ненкеджсан Ханым*, дочери Токтамыш-хана (хана Золотой Орды), которая, согласно легенде, влюбилась в генуэзского дворянина и бежала со своим возлюбленным к неприступным стенам Кырк Ера.

Караимское общество свое привилегированное положение объясняло историей о том, что в «древности» (*ancient past*) их предки смогли вылечить улухане (*uluhane*), первую жену татарского хана, от смертельной болезни. В благодарность за эту услугу им было предоставлено право пользования крепостью и ряд других важных финансовых и юридических привилегий. Единственным находящим подтверждение фактом в этой истории является то, что в конце XVI века подушный налог с этих евреев был прикреплен к канцелярии улухане (*uluhane*) в Бахчисарае [19].

Османские земли в Крыму

Здесь следует вкратце упомянуть османскую провинцию Кефе. Во время османского завоевания берегов Крыма в 1475 году территории, отобранные у генуэзцев, были переданы под юрисдикцию османского паша (*pasha*) в Кефе, и регион получил провинциальный статус *санджака* (*sanjak*). Но 80 лет спустя, когда была подготовлена крупная османская военная кампания против Московии в районе Поволжья, этот регион стал эялетом (*eyalet*) и передан османскому полководцу. Согласно списку эяле-

тов конца XVI века, провинция Кефе включала города Кефе, Аккерман, Бендера, Азов, Кильбурун (*Kilburun*) и Керчь. Таким образом, этот эялет простирался вдоль северных берегов Черного моря, не ограничиваясь лишь полуостровом [20].

К 1640 году эта большая провинция была разделена на два эялета. Новый эялет со столицей в Очакове включал западную и юго-западную части прежнего. Это изменение отразило перемены в восприятии османами своих опасных соседей в начале XVII века. Казаки из Польши и владений Габсбургов на западе были теперь гораздо опаснее потенциальных угроз со стороны Московии или степных кочевников на востоке [21].

Город Кефе, более крупный по масштабам, чем Акмесджит или Бахчисарай, являлся важным портом, который обслуживал больший объем торговли, чем Гёзлеве, и мог похвастать куда большим числом архитектурных памятников, чем остальные города Крыма вместе взятые. Османы, посещавшие Кефе, часто видели в нем «Маленький Стамбул» (*Küçük İstanbul*). Возможно, напоминал Киев, который некогда пытался воспроизвести некоторые атрибуты Константинополя. Дортелли (*Dortelli*) в первой половине XVII века описал Кефе как город, имеющий пять миль в окружности и в нем насчитывалось более семидесяти мечетей, а его порт обрабатывал в среднем десять судов в день. Если эти цифры верны, Кефе в тот период был намного более крупным городом, чем любой город в Московии. Одним из самых впечатляющих сооружений в Кефе была *Великая Мечеть* (*Great Mosque*), построенная в 1623 году, от которой сохранились только руины [22].

Татарские летописи (хроники)

Помимо мечетей и дворцов, построенных ханами, наиболее важными свидетельствами процветающей крымскотатарской культуры являются исторические хроники, описывающие историю и жизнь татар в те века. Если можно определить основные характеристики всех этих хроник, то все они представляют собой как историческое, так и идеологическое обоснование для рассмотрения Крымского ханства как отдельного государства – государства под османским сузеренитетом, но со своими собственными институтами власти, носившими следы ханского среднеазиатского наследия, полученными от Чингисхана.

Крымских историков XVI века интересовали проблемы татарской обособленности и татарской идентичности, а также те ханские традиции, которые имели сугубо татарское происхождение. Первая такая хроника, «*Tarix-i Sahib Geray Khan*» (История хана Сахиба Герая, *Tarih-i Sahib Giray Khan*), написанная вскоре после смерти Сахиба Герая, повсеместно подчеркивает, что генеалогические традиции династии Герай не имели себе равных (ни московских, ни османских) по легитимности и долговечности.

Примечательно, что Сахиб Герай был современником как султана Сулеймана I, так и царя Ивана IV. В этой хронике дается много информации о культурной жизни при дворе Сахиб Герая, среди ученых которого самым видным был *Кефеви Аль-Шайх Абу Бакр Эфенди* (*Keffevi Alşayh Abu Bakr Efendi*), побывавший в Иерусалиме и Багдаде и совершивший неоднократное паломничество в Мекку. Вокруг Абу Бакра сложилась целая школа крымской поэзии – школа, на которую сильное влияние оказала современная османская поэзия, но при этом с особой татарской тематикой и стилем [23].

Вторая летопись «*Теварих Деши-и Кипчак*» (*Летопись Кипчакской степи, Tevarih Deş-i Kipçak*), написанная между 1623 и 1640 годами крымским татарином, жившим в Кефе, подчеркивает выраженную идентичность и вытекающий из этого суверенитет ханов с незапамятных времен, а также тот факт, что из-за их особых традиций ханы могли обращаться с султанами как с равными по генеалогии. Настоящими, признанными героями истории Крыма, согласно этой летописи, были ханы Менгли Герай и Девлет Герай, которые жили в соответствии со своим независимым наследием. (Девлет был ханом, который саботировал османскую кампанию по возвращению Астрахани в 1556 году и впоследствии совершил самый известный из разрушительных набегов Крыма на Москву) [24].

В хронике начала 1650-х годов «*Учюнджи Ислам Герай Хан Тарихи*» (*Uçuncu Islam Giray Khan Tarihi, История хана Ислама Герая Третьего*) Кырымлы Хаджи Мехмеда Сеная делается также упор на чингизидское происхождение Гераев и владение ханами политическими атрибутами бывших хаканов (*hakhans*) Золотой Орды [25].

И, наконец, «*Ассеb 'o-ссеяр'*» (*Asseb' o-sseiuar*'), хроника, написанная Сейид Мухаммед Ризой (*Seiid Mukhammed Riza*) в 1750-х годах, является наиболее интересной и поучительной из тех, что были написаны в ханский период. Очевидно эта хроника, самая длинная и содержащая наиболее подробные сведения об истории и культуре татар, послужила основой для двухтомной истории Крыма под редакцией В. Д. Смирнова. Риза делает акцент на ханов, вплоть до пренебрежения другими ханами, проводивших независимую от османских сузеренов крымскую политику в соответствии с интересами чингизидов, тех ханов, которые придерживались крымской политики отделения от османов. Его главным героем также является Девлет Герай, который отказался рисковать интересами своего ханства, приняв участие в османских походах. Риза использует провокационное слово «вмешательство» (*interference*), когда говорит об участии Османской империи в крымских кризисах престолонаследия. Первую четверть летописи он посвящает периоду монголо-татарского господства в степи и представляет историю крымцев как одну главу в единой татарской истории [26].

Таким образом, становится ясно, что Крымское ханство, вплоть до своего ослабления в конце XVII века, функционировало как во внутренней политике, так и во внешних отношениях как государство раннего Нового времени с активной культурной и экономической жизнью. Несмотря на то, что ханы не могли действовать самодержавно из-за разделения власти в Крыму между Гераями, кланами, духовенством и османами, они действительно обеспечивали эффективное и необходимое руководство в экономической и культурной жизни. Именно в этих областях Гераи проявили себя компетентными правителями. И лишь после прекращения финансовой поддержки Османской империи и с угасанием прибыльной работорговли, а также в связи с растущим разочарованием крымской культурной элиты стали возникать серьезные вопросы о правомочности Гераев.

5. Роль Крыма в восточноевропейской политике

С точки зрения влияния на Московию, Польшу-Литву и Османскую империю Крымское ханство играло важную роль в Восточной Европе. Это значение, которое недооценивалось в историографии этих государств.

Важность в истории Османской империи

Для османов крымские татары служили необходимым военным элементом их европейской политики и источником людских и материальных ресурсов. В качестве военной силы татары не только обеспечивали турок войсками для их кампаний в Восточной Европе и на Кавказском фронте, но и выступали в качестве военного защитного буфера на севере. В османской армии войска ханов служили *акынджи* (*akincis*) (легкая кавалерия), которые готовили путь для продвижения в наступление тяжелой пехоты и кавалерии султана.

Европейские противники приписывали эффективность татарской кавалерии ее подавляющему числу и современному вооружению. Тем не менее, османские и крымские исторические источники свидетельствуют, что татарские *акынджи* не были многочисленны и хорошо вооружены в европейском понимании. Похоже, что из 50 000 легкой татарской кавалерии лишь небольшая часть была вооружена огнестрельным оружием.

Османы были единственным источником оружия и боеприпасов для татар, и они давали их только *секбанам* (*sekbands*) из личной охраны хана. Сила татарской кавалерии заключалась в исключительно высоком уровне командиров, руководивших кампанией и эффективной тактикой, которую они унаследовали от Золотой Орды. Промчавшись быстро и бесшумно по степи (наиболее подходящей местности для их деятельности), *акынджи* внезапно наносили удар. Однако против укрепленных городов крымцы ока-

зались практически бесполезны. Там лишь хорошо организованная пехота с артиллерией могла добиться успеха, а у крымцев не было ни того, ни другого [1].

Первый османский поход, в котором приняли участие крымцы, произошел в 1484 году против Аккермана. Османы прислали хану «приглашение» к совместному выступлению, подкрепленное щедрыми денежными вознаграждениями и церемониальной атрибутикой. Денег было достаточно, чтобы позволить хану склонить на свою сторону глав кланов, одобрение которых требовалось для принятия хана. Хотя в пригласительных текстах говорилось о «помощи исламской вере» и «братстве османской династии», вполне вероятно, что сочетание подарков с обещанием добычи были решающим фактором в участии крымцев [2].

Крымцы в очередной раз оказывали немаловажную военную помощь, ведь они защищали северный фланг империи от нападений и посягательств со стороны Московской Руси и Польши-Литвы. Многочисленные походы татар в степи не позволяли окончательно заселить эту обширную территорию. Неслучайно появление русских на берегах Черного моря (вызвавшее внезапное и серьезное ослабление османской власти) могло произойти только после того, как Крымское ханство было укrocено в конце XVIII века.

Ханство также имело важное значение для экономики Османской империи. Сельскохозяйственная продукция, как, например, зерно и мясо, а также специи, рыбий жир и соль, которые поступали с северных берегов Черного моря, составляли важную часть экономики Османской империи. Кроме того, Крым был важным источником рабов для пополнения османских вооруженных сил и султанских гаремов [3].

В геополитическом плане османы использовали ханство в качестве буферного государства точно так же, как они использовали дунайские княжества. Однако между положением этих провинций и ханством были серьезные различия. Ханство возглавляла мусульманская династия, во многом независимая от османских султанов. Ханы не назначались Стамбулом; они не были продуктом бюрократической системы Османской империи. Переписка между османами и ханами велась в форме приглашений. Дипломатическая переписка имела место между суверенами, а не в форме имперских рескриптов, которые характеризовали отношения между османами и другими буферными государствами. В то время как дунайские княжества платили налоги и дань в османскую казну, ханство за свои услуги получало финансовое вознаграждение.

Значение в истории Московии

То, что было выгодно для Османской империи, являлось потерей для Московии и Польши-Литвы. Контроль Крыма над северным побережьем Черного моря позволял его использование исключительно османами и лишал Московию возможности использовать жизненно важные речные транспортные пути, от которых зависела ее внутренняя торговля. В пределах ханства находились устья Дона и Днепра, двух из трех важнейших русских рек. Пока русские не добились контроля над ханством, зерно, выращенное на юге России, было невозможно экспорттировать.

До покорения ханства в конце XVIII века частые набеги крымцев в степи препятствовали постоянному заселению и государственному контролю над этой территорией, позволявшему осуществлять столь прибыльный экспорт продукции из этого региона, ставшего в XIX веке житницей страны. С точки зрения России, это было трагедией, когда невозможно было использовать данную территорию, где продолжительность времен года была достаточно равномерной, а почва была достаточно качественной для ведения интенсивного земледелия. Последствия такого положения дел на центральные регионы Московии были катастрофическими. Москва должна была зависеть от более бедных регионов в производстве продуктов питания, необходимого для ее растущего населения. Это означало, что сельское хозяйство населения стало трудоемким в период его наиболее значительного роста, и, безусловно, повлияло на развитие крепостного права в России.

Нестабильность жизни в степных областях заставила многих крестьян Московии искать спасения от все более усугублявшегося тяжелого положения крепостничества в центральной Московии и мигрировать в негостеприимные края Сибири, а не на юг (что было бы оправдано возможностями почв). Многие из тех, кто выбрал Украину и южные степи, нашли себе лучшие дома в Османской империи, в Египте или в других местах после того, как были захвачены и проданы татарскими воинами.

Все это легко понять. С одной стороны, татары должны были совершать набеги для экономической выгоды и спасать свои открытие паства, а с другой, такие набеги пагубно оказывались на сельском хозяйстве Московии. Что трудно объяснить, однако, это реакцию Московии на сложившуюся ситуацию. Как отмечал в XVI веке Джованни Ботеро (*Giovanni Botero*), малонаселенность Московского государства по сравнению с другими восточноевропейскими государствами того времени объяснялась большим количеством пленных, захваченных в ходе набегов татар. Профессор Вернадский утверждал, что Иван IV и его преемники в XVII веке должны были осознавать, что крымские татары представляют наибольшую опасность для национального развития Московии [4].

Советник Ивана IV по иностранным делам Адашев пытался убедить царя в том, что наступательные операции против татар и создание укрепленных баз на юге – единственный способ остановить эти набеги. Он заявлял, что нужно либо убедить хана принять царя в качестве своего сюзерена, либо Московия должна попытаться покорить весь регион. Российские историки во главе с Костомаровым заявили, что набеги татар не только угрожают интересам бояр (*boyars*’), но и ставят перед русскими «поистине общенациональную задачу... Главной основой благополучия и процветания России было покорение этих хищных гнезд и подчинение их территории» [5].

Советские историки писали, что Московия осознала эту необходимость в XVII веке и действовала в этом направлении. Новосельский подразумевал это признание в названии своей книги «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века» (*The Struggle of the Moscovite State Against the Tatars in the First Half of the XVIIth Century*) [6]. Однако его утверждения весьма противоречивы. До конца века московское правительство не делало ничего, что можно было бы охарактеризовать как активную политику по устранению крымской угрозы. Фактически, исследования Новосельского и все другие доступные свидетельства позволяют сделать вывод, что Иван IV и его преемники понимали, что Московское государство было слишком слабым перед татарами и османами, чтобы начать эффективное наступление на юге.

Более того, Московия продолжала платить ханам обременительную дань, до тех пор, пока царь Петр I не положил ей конец в начале XVIII века. До этого времени Москва не только разрешала, но и активно поощряла появление на своей территории татарских купцов, целью которых было предлагать русских пленных за выкуп. Тот факт, что Иван IV приказал собрать специальные средства для выкупа, а не послать свою армию для освобождения пленников силой, является достаточным доказательством того, что в тот момент он не был способен к решению проблемы военным путем. Между 1474 и 1692 годами было не менее тридцати пяти московских посольств в Крыму и двадцати семи крымских посольств в Москве. Обе группы посольств вели дипломатические дела в обычном русле [7].

Из-за необходимости решения внешнеполитических забот и защиты интересов на востоке в XVI веке и на западе в XVII, Московия стремилась обеспечить мирные отношения с Османской империей, силы которой она одновременно опасалась и признавала. Только Петр I изменил эту политику и предпринял серьезные враждебные действия против османов. Агрессивный характер татарской политики в степи не был главной причиной этого разрыва, скорее, это была отчаянная попытка Петра открыть черноморский путь на запад и добиться признания силы России в Европе [8]. Однако нет никаких сомнений в том, что московские правители считали неприятным

постоянное унижение со стороны мусульманского соседа, претендующего на преемственность с монгольскими традициями.

Крымско-московское соперничество

Одним из эпизодов в крымско-московских отношениях, заслуживающим дальнейшего пояснения, является захват Москвой Казанского ханства в середине XVI века. Соперничество между Московией и Крымом за господство над бывшими землями Золотой Орды длилось на протяжении всего столетия. Каждая из сторон добилась значительных успехов за счет другой, но ни одна из них не сумела достичь полной победы. Объектом претензий были огромные территории от Казани на Волге до Астрахани в ее устье и степь, населенная ногаями и другими татарами на юге.

Гераи добились успеха, возведя в 1521 году Сахиб Герая на трон в Казани и удерживая здесь власть до 1524 года, когда он был вынужден бежать в Стамбул. В 1525 году казанским ханом вновь становится уже другой Герай – Сефа. Этот успех был недолгим, и в 1532 году Иван IV сумел заменить Сефа Герая своим ставленником, Джан Али (Jan Ali), хотя и не обошлось без борьбы. Через год крымский хан Сахиб Герай покорил астраханских татар. Его победа принесла господство над ногаями, жившими к северу от Кавказских горных хребтов. В 1550-х годах Иван IV окончательно захватил Казань и присоединил ее к своей вотчине. В 1556 году он также отвоевал Астрахань у крымского хана. Степные ногаи оставались ненадежными вассалами Крыма [9].

В 1571 году хан Девлет Герай предпринял самое серьезное из всех нападений крымцев на Москву, он достиг окраин города и поджег их. Однако именно во время его правления Гераи отказались от претензий на полное наследие Золотой Орды и от планов восстановления правления Чингизидов в Казани и Астрахани. После этого ханы сосредоточили свои усилия на степях Польши и Украины. Однако после покорения Казани Московией были сделаны определенные выводы. Снова и снова крымские лидеры поднимали вопрос о Казани в связи с растущими планами и амбициями Москвы. Тем более, что вследствие этих завоеваний цари позиционировали себя как наследники Золотой Орды. А это красноречиво свидетельствовало о московских намерениях, учитывая золотоордынское наследие Крымского ханства. В XVII веке татарские сановники спросили Бибикова, московского посланника в Крыму, почему царь закладывает несколько городов недалеко от Крыма на реках Тerek и Волга. Бибиков ответил, что «народы Московии умножились, и им стало тесно, и, поскольку царь был могущественным, он построил новые города». Татары ответили: «Таким образом, ваш правитель желает поступить так же, как он поступил с Казанью; сначала он основал рядом город, потом захватил Казань; но

Крым – это не Казань; в Крыму много рук и глаз; нужно будет вашему правителью пройти за города в самое сердце Крыма» [10].

Крымско-польские отношения

Несколько иной была роль крымских татар в истории Польши. Хотя татары периодически совершали набеги в польские степи, где они захватывали пленников для продажи, политика их имела в основном экономические, а не политические мотивы. Крымцы не были заинтересованы в территориальных претензиях за счет Польши. С самого начала существования ханства были случаи, когда интересы Гераев и правителей Польши-Литвы совпадали в противовес Москве. Еще в 1649 году татары заключили союз с Польшей, в котором польский король назвал Ислама Герая II «Ханом великих орд черкесских, ногайских, пятигорских, перекопских и крымских татар». В октябре 1654 года поляки и татары вновь объединились в крупном нападении на промосковскую Украину (the Muscovite Ukraine), за которым последовали несколько других. Это, кстати, показало, что даже в этот период татарская конница превосходила силы московитов. В 1661 году, после того как совместная крымскотатарско-польско-литовская армия разбила русских, Московия была вынуждена заключить союз с калмыками, чья конница была равна по численности коннице татар [11].

Однако польская историография подчеркивает враждебность, существовавшую между поляками и татарами. Профессор Барабановский, например, описывает набеги татар на Польшу и несчастных польских крестьян, увезенных в плен. Он цитирует польскую крестьянскую пословицу, которая гласит: «О, насколько лучше лежать на катафалке, чем быть пленником по пути в Татарию» [12]. Но тот факт, что с польскими и литовскими посланниками хорошо обращались в Крыму, а также количество союзов, заключенных с ними, указывают на то, что польско-татарские отношения на протяжении этих столетий были в равной степени дружескими и враждебными [13].

Казачьи войска

И, наконец, что касается отношений между крымскими татарами и славянскими казаками, то они являются наиболее сложными и наименее понятными из восточноевропейских отношений второй половины XVI века и на протяжении всего XVII века. За исключением нескольких ярких моментов в этих отношениях, таких как союз между османами и татарами, с одной стороны, и атаманом казаков гетманом Хмельницким, с другой, в 1648 году, и союз с гетманом Дорошенко в 1670-х годах, крайне мало материала, отражающего эти отношения. Однако очевидно, что политическое и военное значение казачества для славянской Восточной Европы, было ана-

логично той роли, которую играли татары в Восточной Европе мусульманской. С единственной разницей в том, что у крымцев было государство с развитой государственной администрацией и городскими центрами, а у казаков – нет. Однако усилия как одних, так и других к сохранению независимости от своих более могущественных соседей на севере и юге придавали сходство их целям [14].

Крымские ханы

Говоря о роли Крымского ханства на протяжении этих трех столетий, нельзя не упомянуть его правителей. Династия Гераев породила плеяду ханов, чьи амбиции в большинстве случаев соответствовали их возможностям и способностям.

После первых двух ханов, Хаджи Герая и Менгли Герая, правление четырех последующих ханов в праве считаться одним из самых выдающихся в свое время в Восточной Европе: правление Сахиб Герая, Девлет Герая, Гази Герая и Селим Герая. Троє из них правили в XVI веке; Селим Герай правил в конце XVII – начале XVIII века.

Сахиб Герай

Деятельность Сахиб Герая отмечается в контексте отношений Крыма с Казанью и Москвией. Он занимал престол казанского хана с начала 1521 и до 1524 года, а затем провел восемь лет в имениях Гераев в Стамбуле. Отношения Сахиба с султаном Сулейманом I были тесными, и именно во время пребывания хана в Стамбуле Сулейман решил использовать свою помощь для усиления влияния в ханстве.

После смерти Менгли Герая в 1514 году влиятельные крымские кланы избрали ханом сначала Мехмеда Герая (1514–1523), затем его сына Гази Герая I (1523–1524) и, наконец, Саадета Герая (1524–1532). Османское участие в этих выборах было номинальным, лишь подтверждающим выбор карачи беев. Такое положение дел не соответствовало амбициозным взглядам Сулеймана на свою имперскую власть. Он планировал расширить теоретическую и фактическую власть султана, включив в нее политическое наследие степи и достояние Чингизидов. Но он понимал, что для этого ханство должно быть поставлено в более жесткое вассальное положение. Сахиб Герай из Стамбула явился тем, кто соответствовал цели Сулеймана.

В 1532 году султан отправил Сахиба в Крым в качестве своего претендента на ханский престол. Крымские кланы были возмущены подобным нововведением. Они сочли это незаконным вмешательством в свои политические привилегии и отказались принять Сахиба, избрав Ислама Герая. Они были твердо уверены (и исторический прецедент в этом споре был на их стороне), что Яса Чингисхана обеспечивала горизонтальную линию пре-

емственности, требующую избрания Ислама, как самого старшего из здравствующих братьев Мехмеда Герая. Хотя, конечно, ранее, когда это шло в разрез с их интересами, беи (*beys*) игнорировали данное правило. Кроме того, первоначальные намерения Ислама показали, что он действует в интересах клана. Принятие выбора султана Сулеймана было бы нарушением крымских традиций и создало бы опасный прецедент.

Детали борьбы неизвестны, но Ислам Гераю, похоже, удалось помешать Сахибу прийти к власти. Сахиб, однако, заручился поддержкой Баки бея (*Baki bey*), вождя ногаев в Дешт-и Кипчаке. В 1534 году, после двух лет внутренних раздоров, Сахиб Герай сместил Ислама с престола и привлек его себе в качестве союзника [15].

Сахиб оказался не просто выразителем интересов Османской империи. Во время своего относительно длительного правления (до 1551 г.) он проводил политику, направленную на усиление власти Крыма в степи, отлигавшуюся многовекторностью, в первую очередь в противовес Москве. Он также более прочно привязал ханство к Османской империи в экономическом и культурном отношении. Сначала Сахиб продолжил борьбу с Москвой за наследство Золотой Орды. Проведя какое-то время в Казани, он понял, что Казанское ханство было важным ключом к власти в степи. В связи с этим, в конце 1530-х – начале 1540-х годов он отправил своего племянника Сафа Герая обратно в Казань в качестве хана. Согласно татарским летописям, Сахиб осуществил мощные наступления на Москву. Несомненно, его агрессивные действия активизировали действия Москвы по отношению к Казани: в 1552 году она была полностью завоевана и поглощена Москвой [16].

Связывая свой внешнеполитический курс с политикой османов, Сахиб счел необходимым принять участие в одной из многочисленных османских военных кампаний, число которых постоянно возрастило, особенно в Венгрии. Однако его основное внимание было обращено не на Европу, а на степь и на Кавказ – обе области, входившие, в основном, в сферу крымских, а не османских интересов. Его деятельность связана с четырьмя основными достижениями в этих областях.

Во-первых, благодаря достигнутым успехам с Баки беем, Сахиб построил более прочные отношения с ногаями. С тех пор хан всегда использовал ногаев, чтобы противостоять могуществу кланов. Они не всегда были надежными союзниками, но связь с ними стала намного теснее. В связи с этим Сахиб убедил некоторые ногайские племена поселиться на полуострове, дав им право пользоваться землями во владениях Герая. Он переселил и других ногаев с Северного Кавказа и Поволжья в северные степи Черного моря и к берегам Бессарабии (*Буджаск*). Хотя эти движения служили повышению авторитета и могущества хана, они также вызвали смуту в степи.

Изменения в существующих властных отношениях сделали степь уязвимой для вторжения славянских казаков. Однако такой результат нельзя было предвидеть во времена Сахиба.

Во-вторых, Сахиб предпринял ряд самостоятельных военных походов на Кавказ. Эти кампании привели под его политическое правление несколько черкесских племен. К моменту кончины хана в 1551 году, его владения простирались от Бессарабии до Северного Кавказа и представляли собой существенное усиление влияния Крыма в Восточной Европе. Эти достижения вкупе с его усилиями (хотя и безуспешными) в Казани, безусловно, делают Сахиб Герая значимым правителем, и не только в масштабах Крыма [17].

В-третьих, Сахибу удалось создать у себя институты власти, достойные его грандиозных зарубежных замыслов. Вполне вероятно, что именно Сахиб построил ханский дворец в Бахчисарае и перенес *Великий портал* из своего бывшего дворца в Солхате¹¹. Мечети, общественные бани и фонтаны были построены или расширены во время его правления. Культурная жизнь при дворе процветала. Во время его правления была написана одна из важнейших крымских хроник – в ней описывались учёные и художники, которым покровительствовал Сахиб.

В-четвертых, Сахибу удалось получить полный контроль над портом Гёзлеве. Это обеспечило татарам возможность осуществления торговли и развития международных отношений, независимых от османов в Кefe [18].

Девлет Герай

Преемник Сахиба Девлет Герай также заслуживает внимания. Он правил с 1551 по 1577 год и известен двумя крупными операциями, тесно связанными с защитой позиций Крыма в степи. Первой из них было его участие в османской кампании по возвращению Астрахани из-под контроля Москвы и возможный выход из нее. Примерно с 1563 года османский *диван* рассматривал различные реакции на захват Москвой Казани и Астрахани; в конце концов, они решили атаковать последнюю – самый дальний от Москвы город. Наряду с этим османы планировали проложить канал, который соединил бы реки Дон и Волгу и дал султану возможность установить и расширить свою власть в степи. Одновременно с тем, что крымцы выступали за вытеснение Московии из тех областей бывшей Золотой Орды, которые были населены тюркскими народами, их не устраивала перспектива дальнейшего ослабления своей власти в степи в пользу османов. Татары не воспрепятствовали началу кампании, развернутой османами, оказавшись уже втянутыми в участие в ней, но в разгар похода Девлет и его татарские войска оставили османскую армию у Волги. Это положило конец амбици-

---

¹¹ Речь идет о Салачике

озному проекту османского канала Дон-Волга и обеспечило москвичам контроль над всей Волгой [19].

Второй операцией Девлета стало его крупное наступление на Москву в 1571 году. Нет никаких сомнений в том, что это нападение было тесно связано с провалом Астраханской кампании. Здесь Девлет рассматривал другие способы нанесения ущерба Москве. В результате нападения он успешно сжег большую часть окраин Москвы, представив доказательства неспособности Ивана IV защитить свою столицу от татар и захватил большое количество пленных, которые были вывезены в Крым для дальнейшей продажи в рабство. В крымской историографии благодаря своим подвигам Девлет Герай заслужил эпитет *тахт-алган* (*taht-algan*, завоеватель престола), а османский султан пожаловал Девлету титул «Эмир Крыма, искренний и верный друг нашего Престола» [20].

Гази Герай II

Для Крымского ханства период от кончины Девлета в 1577 году до начала правления Гази Герая в 1588 году был крайне сложным. Произошли два важных события.

Во-первых, Гераи осознали, что их мечта стать заменой Золотой Орды в степи и Поволжье была разбита успехами Ивана IV. Следовательно, внимание крымцев переключилось с севера на восток и запад – в одну сторону на Кавказ и Иран, а в другую – на Венгрию и Дунайские княжества. Набеги на Москву по политическим причинам значительно сократились, хотя и не прекратились полностью по экономическим причинам – захват пленников. Военные кампании против Ирана и Венгрии, сулившие богатую добычу, приобрели большее значение.

Во-вторых, возникла гораздо более тесная связь с Османской империей и вовлеченность в ее внешнюю политику. Это сближение проявлялось по-разному. Наиболее важным было более частое вмешательство османов в вопросы престолонаследия Крыма. Медленно, но верно османская практика начала подавлять прежние традиции Чингизидов [22].

Влияние Османской империи стало проявляться еще больше во времена правления Ислама Герая II (1584–1588). В это время становится нормой символически важное упоминание имени султана во время пятничной полуденной молитвы. До этого подобное действие было лишь привилегией хана как символ его владычества. Теперь же, когда имя султана было включено в упоминание на пятничной молитве, суверенитет хана таким образом ограничивался. Отныне участие в османских кампаниях определялось не приглашением, а приказом. Отказ был чреват попытками Османской империи, часто успешными, сместить хана и заменить его другой, более лояльной, кандидатурой [21].

Гази Герай II (1588–1608) как нельзя лучше подходил на роль хана как правителя крымцев в первые годы этих новых османско-татарских отношений. Названный Бора («северный ветер») из-за своей легендарной храбрости в битве, Гази возглавлял татарские армии против Ирана и Венгрии и служил османам в Анатолии, подавляя повстанцев Джелали в начале XVII века. Автор одной из татарских хроник назвал его «совершенным правителем» (*“the perfect ruler”*). Он утверждал, что Крым пережил свой расцвет в военной и культурной жизни во время правления Гази. Но крымская жизнь и общество уже никогда не будут прежними. Утрата связей и тяготений в сторону Золотой Орды и степи устранила главную причину их попыток самостоятельной деятельности. С этого момента ханство действительно становится вассалом османского султана и играет важную роль в османских делах.

Селим Герай I

Наконец, следует упомянуть правление Селима Герая I (который правил четыре раза: 1671–1678, 1684–1691, 1692–1699 и 1702–1704 годы). Согласно татарским летописям, Селим отличался высокими моральными качествами, способностью примирять конкурирующие стороны внутри крымского общества и незаурядным умом, благодаря чему он мог угодить османам, когда это необходимо, и при этом сохранить хотя бы подобие достоинства и независимости. Неизвестно, преувеличивали ли летописцы.

Селима просили оставить престол, по крайней мере, три раза. Возможно, во всех трех случаях причиной было нежелание рисковать интересами Крыма в угоду османам в их военных кампаниях. Дважды во время его второго правления войска под командованием Селим хана успешно защищали Крым от атаки русской армии во главе с князем Голицыным. Селим был также ханом, который принял участие в подписании Константинопольского договора 1700 года, ратифицировавшего переход Азова под русский протекторат и положившего конец выплате дани ханам. Позже он выступал на защиту османских владений в Бессарабии от польского вторжения.

Профессор Инальджик отмечает, что именно Селим смог сформировать «постоянную защиту Османской империи в период, когда постоянно менялись султаны и великие визири». Это было особенно важно в эти годы, поскольку османы потерпели сокрушительное поражение от Габсбургов и заключили Карловицкий мирный договор, в котором они впервые выступили в роли жертвы. Однако, за исключением этих ярких моментов в жизни Селима, в архивах мало что было обнаружено о его правлении.

К концу XVII века во всех сферах жизни Крыма – экономике, политике и культурной жизни – явно наблюдался спад. Это было связано не только с усугублявшейся слабостью государства, но и с изменением соотношений

сил в Восточной Европе. Ослабление османов, потерпевших поражения при Карловице и Азове, происходило одновременно с усилением Московии. XVIII век ознаменовался угасанием ханства, как независимого политического и культурного образования, и присоединением Крымского полуострова и его татарских жителей к России. Как покажут следующие десятилетия, крымскотатарский народ впереди ожидала настоящая трагедия.

Примечания автора

1. Происхождение Крымскотатарского ханства

1. Надинский П.Н. *Очерки по истории Крыма*. Симферополь, 1951. С. 58–59; показывает наличие на Мангупе славянского населения с дипломатическими и семейными связями с Московским княжеством еще в 1474 г., когда сын Ивана III женился на дочери князя Мангупа.
2. Смирнов Н.А. *Россия и Турция в XVI–XVII вв.*, 2 тома. Москва, 1946; Т. 1, С. 16–17.
3. *Там же*. С. 18–28; Ahmed Dede Müneccimbaşı, *Müneccimbaşı Tarihi* (İstanbul, 1973), vol. 1, pp. 273–274. *История Мунеджимбаши* (Стамбул, 1973), т.1, С. 273–274.
4. Смирнов В.Д. *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века*. Санкт Петербург, 1887. С.30–33.
5. Смирнов В.Д. (1887), С.34–47, 88–89; Ananiasz Zajaczkowski (А. Заячковский), ed., *La chronique des steppes kiptchak: Tevarih-I Deşt-I Qipçak* (*Летопись кипчакских степей. Теварих-и Дешт-и Кипчак*) (Варшава, 1966); Anatolii I. Iakobson. *Крым в средние века* (Москва, 1973), С.108.
6. Смирнов В.Д. (1887), С. 89–93.
7. *Там же*. С. 146; Инальджик Халил, «Крымское ханство», *Islam Ansiklopedisi* (Энциклопедия Ислама) (Стамбул, 1955), т. 6, с. 746.
8. Смирнов В.Д. (1997 г.), с. 227.
9. Акчокраклы О., *Татарские тамги в Крыму* (Симферополь, 1927), с.12.
10. Инальджик Халил, «Hadjdjî Giray», (Хаджи Герай), Энциклопедия Ислама, т. 3. С.43–45.
11. Akdes N. Kurat, *IV–XVIII Yüzyıllarda Karadeniz ve Kuzeyindeki Türk kavimleri ve Devletleri* (Ankara, 1972), p. 210. Акдес Курад Н. (Тюркские племена и государства на севере Причерноморья на протяжении IV–XVIII веков).
12. Инальджик Х. Хаджи Герай, с. 44, Смирнов В. Д. (1887), с. 236.
13. Инальджик «Хаджи Герай», с. 44.
14. Howorth Henry, *History of the Mongols from the 9th to the 19th Century* (London, 1889), vol. 2, pt. 1., p. 451. (*История монголов с IX века по XIX век*). (Лондон, 1889. Том 2, ч. 1. с.451).

2. Османская гегемония в Крыму

1. Halil Inalcik, “Yeni Vesikalara Göre Kirim Hanlığının Osmanli Tabliğine Girmesi ve Ahidname meselesi” *Belleten* 8, no.31(1944), pp.185–229. (Халил Инальдзик «Согласно новым документам вхождение Крымского ханства в Османское правление и проблема Ахднаме»). Бюллетень (*Belleten*) 8, №31 (1944г.). С. 185–229, на чем основана эта дискуссия.
2. Инальдзик «Крымское ханство», с. 747.
3. Хартахай Ф. «Исторические судьбы крымских татар», *Вестник Европы* 2 (1866), с. 201; Ховорт (Howorth), С. 456–457; M. De Peysonnel, *Traité sur le commerce de la Mer Noire* (Paris, 1787), (М. де Пейсоннель, *Черноморский торговый договор*), Vol. 2., pp. 228–230 (Париж, 1787. Том. 2. С. 228–230); Halil Inalgik, “Yeni Vecikalara,” (Халил Инальджик, «Новые документы»), с. 223.
4. Inalcik, “Yeni Vesikalara,” («Новые документы»), *passim (nassim – «повсюду»)*, при ссылке на автора или название книги. – Прим. пер.)
5. Там же. С. 226–227.
6. Там же. С. 219.
7. Я обсуждаю это в моей работе «Крымский сепаратизм в Османской империи» (“*Crimean Separatism in the Ottoman Empire*”).
8. Feridun Bey, *Münsebat-i Selatin* (Istanbul, 1849), vol. 1, p. 502. (*Мюнисеат-и Селатин*) (Стамбул, 1849).
9. Я проверил везде эти финансовые связи с большой тщательностью; см. мою статью “Les rapports entre l’Empire Ottoman et la Crimée: l’aspect financier” («Отношения между Османской империей и Крымом: финансовый аспект»)
10. Dilek Desaive “Le Khanat de Crimée dans les Archives Ottomanes” («Крымское ханство в Османских архивах»), *Cahiers* 13 («тетради», *периодическое издание*), № 4 (1972), С. 560–583, например, заметки, указывающие на растущее вмешательство Османской империи.
11. «Историческое и дипломатическое собрание». Записки одесского общества истории и древностей (ZOOID), 4 (1863), С. 277–278, 379–380; С. Белокуров, *О посольском приказе* (Москва, 1906), С. 78–79.
12. См. Mehmed Mubarek, *Meskukat-i Kirimiye* (Istanbul, 1900), каталог сохранившихся крымскотатарских монет из коллекции Топкапы; и Петрун «Ханские ярлыки на украинской земле» *Восточный мир* 2 (Харьков, 1928), С. 170–187.
13. См. Надинский П.Н. *Очерки*, т. I, с. 58–65; Смирнов Н.А. *Rossiia, nassim;* и Новосельский А. А. *Борьба московского государства с татарами в XVII веке* (Москва, 1948) об отрицательном суждении в отношении легитимности крымскотатарского народа.
14. Инальдзик Х., «Герай» Энциклопедия Ислама. (Стамбул, 1948), т. 4, с. 786; Б. Шпулер (B. Spuler) *Мусульманский мир* (The Muslim World) (Leiden, 1960), т. 2, с. 95.
15. Эрнст Н.Л. «Бахчисарайский ханский дворец и архитектор великого князя Ивана III фрязин Алевиз Новый (friazin Aleviz Novyi)», *ITOIAE* 2 (Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии). Симферополь, 1928, С. 39–54.

16. Инальджик «Крымское ханство» с. 755; *Kurat, IV–XVIII Yüzyillarında*, p. 227. (Курат, В IV–XVIII веках, С. 227. Курат, В IV–XVIII веках, С. 223–224).

3. Политическая система Крымского ханства

1. *Kurat, IV–XVIII Yuzyillarda*, p. 226. Курат, (В IV–XVIII веках, с. 226).
2. Skal'kovskii A., "Zanyatie kryma v 1783 g." ZhMNP, 30, no. 2 (1841), p. 3. (Скальковский А., Занятие Крыма в 1783 году. *Журнал министерства народного просвещения*. Санкт Петербург, 1846–1917), 30, № 2 (1841), с. 3.
3. [V. Tiapkin], "Perevod s shertnyia gramoty," *Drevniaia Rossiiskaia Vivlioifika*, volume.15. p. 1.
4. Ozalp Gökbilgin, *Tarih-i Sahib Giray Han* (Ankara, 1973, pp. 175–176). (*История Сахиб Герай хана*). (Анкара, 1973г., С. 175–176).
5. Лашков Ф.Ф. «Исторический очерк крымскотатарского землевладения», ITUAK 23 (1895), с. 71–72; Хартахай, с. 143; Gökbilgin, *Tarih* (*История*), с. 185.
6. Хартахай, С.108–109; Лашков «Исторический очерк», С. 76–78.
7. Alan Fisher “Les rapports” for lists of Ottoman payments to Giray sultans. Алан Фишер («Отчёты» о списках платежей Османов султанам Гераям).
8. См. Barbara Kellner-Heinkele *Aus den Aufzeichnungen des Said Giray Sultan* (Freiburg, 1975), pp. 1–92, (Из записи *Сказания о Саид Герай султане*. Фрайбург, 1975г., С. 1–92); for the best discussion of the Girays; Inalcik, “Giray”, pp. 783–789. (для лучшего обсуждения Герая, см. Халил Инальджик «Герай», С. 783–789).
9. Kellner-Heinkele, С. 93–148; Хартахай, С. 210–213; Инальджик, «Крымское ханство» (*Kirim Hanlığı*), с. 755.
10. Kellner Heinkele, *nassim*.
11. Benningsen A. and Chantal Lemercier-Quelquejay, “La Moscovie, L’empire Ottoman, et la crise successorale,” («Московия, Османская империя и кризис наследства») *Cahiers* 14, no. 4 (1973), p. 453–487 (№ 4, 1973, С. 453–487).
12. Александров И.Ф., «О мусульманском духовенстве», ITUAK 51 (1914г.), С. 207–210; Gözaydin, *Kirim* (Istanbul), 1948), p. 38; (*Крым*; Стамбул, 1948), с.38.
13. Лашков Ф.Ф. «Архивные данные о бейликах», *Археологический съезд: Труды 6*, №4 (1889 г.) С.96–110.
14. «Историческая справка об образовании в Таврической губернии татарских дворянских родов», ZOOID 23 (1901), с. 42; Инальджик «Крымское ханство» (*Kirim Hanlığı*), с.753.
15. Лашков «Архивные данные», С.107–108; Лашков, «Исторический», с. 80; Хартахай, С.219–221.
16. Инальджик, «Крымское ханство» (“Kirim Hanlığı”), с.753.
17. Gökbilgin “Tarih” (*История*), С.156–157.
18. Лашков, «Исторический», С.86–87.
19. *Там же*. С. 91–93; Хартахай, с. 228, указывает на происхождение этого слова от *emir-zade* (наследник на титул эмир или бей).
20. Лашков, «Исторический», С.92–93; Инальджик, «Крымское ханство», С. 784–755.
21. Лашков, «Исторический», С.99–100; Пейсонель, II, с.281; Л. Якобсон, «Крым в средние века» (Москва, 1973г.), с. 143.

22. Инальджик, «Крымское ханство», с. 752; А. Сергеев, «Ногайцы», ITUAK 48 (1912), С.7–11; И. Юрченко «Описание Перекопских», ZOOID II (1879), С.479–486; О. Gokbilgin, *Политическое состояние Крымского Ханства в 1532–1577 годах*, (Анкара, 1973г.), С. 27–29.
23. Инальджик, “Čerkes: Ottoman Period”, E. I., Vol. 2. pp. 24–25. («Черкес: Османский период»), E.L. (Энциклопедия Ислама), т. 2. С.24–25.

4. Экономическая и культурная жизнь в ханстве

1. Якобсон, *Крым и Новосельский, «Борьба».*
2. See Charles Velinden (Шарль Велинден), *L'Esclavage dans L'Europe médiévale* (Brugge, 1955) (Шарль Велинден, *Рабство в средневековой Европе*). (Брюгге, 1955), vol. 1; Charles Verlinden, “La colonie venitienne de Tana” («Венецианская колония Тана») *Studii in onore di Gino Luzatto* (Milan, 1950), vol. 2, pp. 1–25. (*Этюды в честь Джино Лузатто*), том 2. С. 1–25.
3. A. Fisher, “Moscovy and the Black Sea Slave Trade”, *Canadian-American Slavic Studies* 6. no. 4 (1972), pp. 575–594. («Московия и Черноморская работторговля»), *Канадско-американское славяноведение* 6), № 4 (1972), С. 575–594.
4. Bohdan Baranowski, *Chłop polski w walce z tatarami* (Warsaw, 1952), pp. 49–56; (Польский крестьянин в борьбе с татарами), (Варшава, 1952), С. 49–56). Новосельский «Борьба», с. 436.
5. Драгоманов М., *Про украинских казаков, татар и тюрков* (Киев, 1876), С. 17–19; Грушевский М., *История Украины* (New Haven, 1941), С. 160–161.
6. Соловьев, *История России*, т. 4, части 7–8, с. 140.
7. Там же. С. 83; Алекберли М.А., *Борьба украинского народа против турецко-татарской агрессии* (Саратов, 1961), с.124.
8. Zbigniew Wojcik, “Some Problems of Polish-Tatar Relations in the Seventeenth Century,” («Некоторые проблемы польско-татарских отношений в семнадцатом веке») *Acta Poloniae Historica* 13 (1966), pp. 87–102. (*История Польши* 13), (1966г.), С. 87–102.
9. Anatole de Demidoff, *Travels to the Crimea*, (London, 1853). (*Путешествие в Крым*). (Лондон, 1853)
10. Pallas P.S., *Travels Through the Southern Provinces of the Russian Empire, in the Years 1793 and 1794* (London, 1812), vol.2. pp.208, 249–250; W. Barthold, “*Ak Masjid*,” Е.І., vol. I. p. 312. Паллас П.С. Путешествие через южные провинции Российской империи в 1793 и 1794 годах (Лондон. 1812 г.), т. 2. С. 208, 249–250).
11. Pallas, vol. 2, p.19; Seymour H.D., *Russia on the Black Sea and the Sea of Azof* (London, 1855), pp.34–35. Паллас, т. 2. с. 19; Х. Д. Сеймор, *Россия на Чёрном и Азовском морях*, (Лондон, 1855), С. 34–35.
12. Seymour, p. 38; Yakobsoon, *Krym*, p. 145; Pallas, vol. 2, p.33; A. Fevret, “*Les tatars de Crimée*,” *Revue de monde musulman* 3 (1907), p. 97; B. Spuler, “*Bahçe Saray*,” Е.І., vol. I.p. 312. Сеймор. с. 38; Якобсон. *Крым*, с.145; Паллас, т. 2. с. 33; А. Феврет, «*Татары Крыма*», Энциклопедия Ислама, т. 1, с. 312.
13. Эрнст Н., «Бахчисарайский ханский дворец и архитектор великого князя Ивана III фрязин Алевиз Новый», ITOIAE 2, С. 39–54.

14. Эрнст Н., «Бахчисарайский...,», с. 43; Броневский М., «Описание Крыма», ZOOID 6 (1867), с. 344.
15. Паллас, т. 2, С.29–31; Сеймор, с. 39; Джон Паркинсон , *A Tour of Russia, Siberia, and the Crimea, 1792–1794 (Тур по России, Сибири и Крыму, 1792–1794 гг.)* (London, 1971) (Лондон, 1971), pp. 193–195. С.193–195; все они дают интересное описание Дворца.
16. Феврет (Fevret), pp. 98–99; См. Сумароков П. И., *Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду* (Санкт-Петербург, 1803–1805 гг.), 2 тома, в отношении многих хорошо сделанных схем дворца, которые появились в начале девятнадцатого века. Татарская история – это история Халима (Halim) Герай Султана.
17. Adler B., “Die Krim-Karaer,” *Baessler Archiv* 17 (1934), pp. 103–133. («Крымские Караймы», Архив Бесслера 17, 1934 г.), С. 103–133.
18. См. Алана Фишера, “The Administration of the Subordinate Nationalities,” («Управление подчиненными национальностями»); Хартахай, «Историческая судьба», с. 143; Пейсонель, *Traité (Договор)*, т. 1, с. 13, и т. 2. с. 322; Барон де Тотт, *Мемуары* (1785 г.), т. 2. с. 129.
19. Сеймор, С. 41–45; Паллас, т. 2, С. 34–36; А. Самойлович, ”Beiträge zur Bienenzucht in der Krim im 14–17. (Вклады в пчеловодство в Крыму в XIV–XVII веках). *Jahrhundert*”, *Festschrift Georg Jakob* pp. 270– 275, (К столетию), «Памятное издание (Юбилейный сборник) Джорджа Джейкоба» обнаружил хансскую грамоту, дающую караимам монополию на производство меда.
20. Феридун Бей, т. 2, с. 404.
21. Инальджик Х., “Eyalet”, “Энциклопедия Ислама”, т. 2, С. 721–724. Типичное искажение османского присутствия и смешение крымской и османской идентичностей можно найти у Голубутского В. А., (Golobutskii V.A.) в работе «Запорожское казачество» (Киев, 1957), с. 37, где он говорит: «После 1475 года Османы построили форты в Перекопе, Гёзлеве, Кефе, Еникале, Арабате и т.д.»
22. Феврет, с. 95; Курат, *В IV–XVIII веках*, с. 224; и Якобсон, *Крым*, который представляет счет Дортелли (Dortelli).
23. Gökbilgin, *Tarih (История)*, особенно С. 20–21, 221.
24. Заячковский А., ed (ред). *La chronique des steppes kiptchak* (Хроника кипчакской степи), (Варшава, 1966) и в той же редакции «Летопись кипчакской степи, как источник по истории Крыма», у Тверитинова А.С., *Восточные источники* (Москва, 1969). т. 2. С. 10–24.
25. Kirimli Haci Mehmed Senai, *Historia Chana Islam Gereja III* (Кырымлы Хаджи Мехмед Сенай, *История хана Ислама Герея III*), Olgierd Gorka и Zbigniew Wojcik, ред., (Варшава, 1971).
26. Seiid Mukhammed Riza, *Asseb o Sseiuar` ili Sem` Planet* (Казань, 1832); Смирнов В. Д., (1887), и Смирнов В. Д., *Крымское ханство под верховенством османской порты в XVIII столетии (веке)*, (Одесса, 1889)

5. Роль Крыма в восточноевропейской политике

1. Akdes N. Kurat, *Turkie ve Idil Boyu* (Ankara, 1966), pp. 83–84; Акдес Н. Курад (Турция и вдоль р. Волга) (Анкара, 1966), С. 83–84. Инальджик, *Крымское ханство*, с. 755.
2. Фишер, “Les Rapport” («Отчёты»), о более полном обсуждении этих подарков и других финансовых договорённостей; а также Ozalp Gökbilgin и Dilek Dasaive “Le khanate de crimée et les campagnes militaires de L’Empire Ottoman,” («Крымское ханство и военные походы Османской империи») *Cashiers 11, no. 1* (1970), pp. 110–111: «тетради», № 1, (1970), С. 110–111; Инальджик “Герай», с. 786.
3. Cortepeter C.M., “Ottoman Imperial Policy and the economy of the Black Sea Region in the Sixteenth Century”, («Османская имперская политика и экономика черноморского региона в шестнадцатом столетии»). *Journal of the American Oriental Society 86* (Журнал Американского восточного общества 86) (1966), pp. 86–113; A. Fisher “Azov in the Sixteenth and Seventeenth Centuries” («Азов в шестнадцатом и семнадцатом веках»), *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* (1973) (Ежегодники по истории Восточной Европы). Роль этих рабов до сих пор не изучена историками. Автор занимается полным исследованием работорговли на Черном море.
4. Вернадский Г., *Московское царство 1547–1682 гг.* (New Haven, 1969), С.10–12; цитата Джованни Ботtero, *Универсальные отношения* (Брешия, 1599 г.).
5. Вернадский Г., С. 88–89, 91–92.
6. Новосельский, *Борьба*.
7. Лашков Ф.Ф., *Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с московским государством* (Симферополь, 1891г.); Зерцалов А.Н., *Об оскорблении царских послов в Крыму в XVII веке* (Москва, 1893 г.).
8. Фишер, Азов (“Azov”); Fisher “Moscovite- Ottoman relations in the 16th and 17th centuries,” *Humaniora Islamica I* (1973), pp. 207–217. (Московско-Османские отношения в 16x–17x веках). Гуманный Ислам, (1973), С. 207–217).
9. Посмотрите прекрасное исследование Ярослава Пеленского, *Россия и Казань: Завоевание и Имперская Идеология* (Гаага, 1974г.); Курад, *В IV–XVIII веках*, С.231–233.
10. Соловьёв, т.7, С. 264–265.
11. Вернадский, С. 550, 552; Zbigniew Wojcik, “Mediacja tatarska miedzy Polska a Turcją w roku 1672,” («Татарское посредничество между Польшей и Турцией в 1672 году», *Przeglad Historyczny* 52 (Исторический Обзор 52), no. 1, 1962). pp. 32–50; Howorth , p. 549. (Ховорт, с. 549).
12. Барановский, *Chłop Polski w walce z tatarami* ((Warsaw, 1952). (Польский крестьянин в борьбе с татарами) (Варшава, 1952 г.).
13. Litvin M., «Извлечение из сочинений Михаила Литвина», *Мемуары, относящиеся к истории южной России, №1*, (Киев, 1890), С. 4–5.
14. Дмитрий Бантыш-Каменский, *История Малой России* (Москва, 1822). 2 тома. Надинский, т. 1, С. 80.
15. Inalcık, “*Kırım Hanlığı*”, p. 748. Инальджик, «Крымское ханство», с.748.
16. Там же. Курад, *В IV–XVIII веках*, с. 233.

17. Курат, *В IV–XVIII веках*, с. 233.
18. Там же. С. 231–235.
19. Kurat, *Turkie ve Idil Boyu, passim*. (*Турция и вдоль р. Волга*). пассим.
20. Беннигсен А. и Шантал Лемерье Келькеже, "Les expeditions de Devlet Giray contre Moscou en 1571 et 1572" *Cahiers*, 13, no. 4.(1972), pp. 555–559; Курат, *В IV–XVIII столетиях*, С. 236–242; Инальджик, «Крымское ханство», С. 748–749; Инальджик. «Девлет Герай» (*Dawlat Giray*), Энциклопедия Ислама, т. 2. С.178–179; Вернадский, С.131–132.
21. Беннигсен и Лемерье-Келькеже, «Москва» ("La Moscovie"), С. 453–487.
22. Курат, *В IV–XVIII столетиях*, С. 245–254; Инальджик, «Крымское ханство», с.749; Инальджик, «Гази Герай II» ("Ghazi Giray II"), Энциклопедия Ислама, т. 2, С.1046–1047; С.М. Кортепетер, «*Османский империализм в период Реформации: Европа и Кавказ*», (Нью Йорк, 1973).
23. Инальджик, «Крымское ханство», с. 750; Курат, *В IV–XVIII веках*, С. 255–258.

Сведения об авторе: Алан Фишер – профессор истории Государственного университета Мичигана, США. Профессор Фишер получил несколько грантов на зарубежные исследования. В 1969 и 1976 гг. ему была оказана поддержка Американского исследовательского института, а также Американского совета научных сообществ на исследования в Турции в 1976–1977 гг. Его работа «Крымские татары» является первой из серии работ, посвященных истории и развитию нерусских народов в Советском Союзе. Профессор Фишер исследует историю крымскотатарского народа, начиная с середины XIV века и по настоящее время, используя первоисточники на нескольких европейских языках, в том числе и на русском, а также крымскотатарском и турецком языках.

Сведения об авторах перевода: Сейтхалилова Лейля Сейтхалиловна – старший преподаватель английского языка, лаборант-исследователь Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); lilya_crimea@mail.ru

Алиева Арзы Юсуфовна – внештатный сотрудник Крымского научного центра Института Истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); alieva1985@gmail.com

The Crimean Tatars

Alan Fisher

Annotation: The given article is a translation from English of the well-known scholar, historian Alan Fisher's work *The Crimean Tatars*. He was a professor of State University in Michigan, the USA. He had life-long interest to the history of Ottoman Empire and Turkic peoples. His work *The Crimean Tatars* was published in 1978 in the

USA. The work consists of several chapters: 1. The Origins of the Crimean Tatar Khanate. 2. Ottoman Hegemony in the Crimea. 3. The Political system of the Crimean Khanate. 4. Economic and Cultural Life in the khanate. 5. The Crimean Role in Eastern European Politics. The first chapter of the work gives a detailed study of the Origins of the Crimean Tatar Khanate, relations with the neighboring countries: Ottoman Empire, Moscovy, Poland and so on. The author represents an in-depth analyses of each ruling khan, his contribution into coming into being of the Khanate: Sahib Giray, Devlet Giray, Gazi Giray, Selim Giray I In the first chapter the author also offers detailed information about political and economic life of the Khanate.

Keywords: Crimean Tatar Khanate, Crimean Tatars, origin, political system, clans, ruling khan, in the making and development of the state.

For citation: Alan Fisher. The Crimean Tatars. Trans. from English Seytkhalilova L., Alieva A. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2022, vol. 9, no. 1, pp. 58–114. DOI: 10.22378/kio.2022.1.58-114 (In Russian)

About the author: Fisher Alan W. is associate professor of history at Michigan State University, the USA. Professor Fisher has received several grants for study abroad. He was given support by the American Research Institute in 1969 and 1976 as well as the ACLS for research in Turkey during 1976–1977. His work *The Crimean Tatars* is the first in the series of volumes that examine the history and development of non-Russian nationalities in the Soviet Union. Professor Fisher examines the history of the Crimean Tatars from the mid-fourteenth century to the present, making use of primary source materials in several European languages, including Russian, as well as the Crimean and Turkish languages.

About the translators: Seyitkhaliilova Leylya Seyitkhaliilovna – senior English language teacher, laboratory assistant researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (420111, Baturin Str., 7A, Kazan, Russian Federation); lilya_crimea@mail.ru

Alieva Arzy Yusufovna – freelance employee of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (420111, Baturin Str., 7A, Kazan, Russian Federation); alieva1985@gmail.com